КРОКОДИЛ

Рисунок М. УШАЦА

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

— А ты в ночном хоть раз был?

— Что вы, дедусь, в нашем городе после одиннадцати все рестораны закрываются!

В. АРДАТОВСКИЙ

Век живи...

Вторая часть этой поговорки всегда казалась мне более осуществимой. И раз уж я попал в Италию, то решил слегка подучиться по здешним школьным учебникам, а заодно посовершенствоваться и в языке. Для этого и было приобретено толстенное, в роскошном красном переплете издание «Итальянско-русская фразеология» профессора Ренцо Ванцини.

С этого дня я начал говорить по-русски в строгом соответствии с рекомендациями профессора и, установив, что «ленивость мать всех порок», раскрыл книги по истории.

Выбор огромен — стабильных учебников здесь нет. Историю итальянского фашизма я изучил по одобренным правительственными комиссиями трудам «Человечество», «Берег» и «Почему?». Эти книжки, связанные ремнями, по утрам несут с собой детишки в школу, расположенную в соседнем доме. Я установил, что:

1. «Фашистской диктатуре удалось навязать стране порядок и начать серию реформ. Широко развернувшиеся общественные работы помогли сократить безработицу. Строились дороги, водопроводы, осуществлялись планы градостроительства». («Человечество»).

2. «Муссолини строил мосты, дороги, водопроводы» («Почему?»).

3. «Фашизм осуществил завоевание Абиссинии, где проделал большую работу по экономическому и социальному оздоровлению». («Берег»).

Признаться, я несколько удивился. Ведь сама итальянская конституция запрещает восхваление фашизма, а тут оно идет вовсю с самой начальной школы... Сразу стало ясно, откуда берутся долгогривые молодчики, участвующие в неофашистских митингах и орущие «дуче-дуче!». Словом, как выражается на изумительном русском языке профессор Ванцини, «я остался засыпленным и опоздался к поезду».

Может быть, авторы учебников более строги к немецкому нацизму? Ведь как-никак многие тысячи итальянских патриотов были замучены в застенках гестапо во время гитлеровской оккупации. Беру учебник истории для средней школы. Джованни Соранцо утверждает: «Фюрер грешил манией величия, но он был человек действия и могучих страстей». Вот так-то. «Что вам вскочило в ум?» — мысленно спросил я у автора школьного пособия словами из «Итальянско-русской фразеологии».

Как удалось установить, на столь же высоком уровне находятся и некоторые пособия по естественным наукам. Средневековые отцы церкви никогда не отправили бы на костер профессора, сочинившего учебник по биологии, в котором говорится:

«Исследования бесполезны, потому что жизнь, несмотря на самые смелые изыскания, была и остается неразрешимой тайной природы». Так и хочется, несмотря на то, что в небе летает и итальянский спутник, добавить «Аминь!»

Наконец, я раскрыл еще одну книжку — для первоклассников. Там было написано, что для получения «десятки» — высшего балла в итальянской школе, я должен назвать поименно и ни разу не забыть в своих молитвах следующих людей: римского папу, своего епископа, своего священника, президента республики, мэра своего города и учителя. С этой задачей я явно не справился, пребывая в тумане относительно римского епископа и главы церковного прихода, к которому принадлежит моя улица. Что же касается учителя, то, согласно «Итальянско-русской фразеологии», «я не хочу понижаться просить его помощи», пока он будет преподавать по таким учебникам.

Так печально завершились мои попытки пополнить свое образование во время итальянской командировки.

г. Рим

Борис ЕГОРОВ

ДЫМНЫЕ ОПЫТЫ

Сейчас часто говорят о нехватке бумаги. Будто бы из-за этой нехватки тиражи учебников недостаточны. А также страдает худлитература. «Шинель», мол, напечатали, а на «Нос» бумаги не осталось.

Насчет «Носа» я не проверял. А бумаги, на мой взгляд, у нас предостаточно, поэтому каждый человек, сидящий в канцелярии или департаменте, что-нибудь обязательно издает.

Считается даже неприличным, если гражданин, имеющий более или менее определенное служебное положение и стол с телефоном, не занят издательской деятельностью. И тогда на него чуть ли не пальцем показывают: эй, люди, посмотрите на этого чудака! Он скоро начнет лысеть, а не выпустил никакой печатной продукции.

Человек покрывается пасхально-розовой краской стыда и звонит в типографию. А через несколько дней из машин выходит его труд. Называется «Лейки». На одной стороне большого листа мелованной бумаги — фотографии двух леек. На другой — текст: «Лейки предназначены для полива растений в садоводстве» и т. д. Это открытие сделано в Таллине.

Человек, обратившийся к издательской деятельности, воспевает лейки, шайки, рукомойники, умывальники, а также чайники, знакомит соотечественников с их устройством. Ибо каждому ли известно, что такое чайник? Чайник, товарищи, представляет собой емкость, сосуд округлой формы с ручкой и дудочкой, из которой льется та или иная жидкость. В верхней части чайника имеется отверстие круглой формы, закрываемое специальной крышечкой. Служит чайник преимущественно для чаепития. Чайники бывают разные...

Куйбышевский завод «Строммашина» выпустил пятитысячным тиражом брошюру-альбом на 64 страницах. Состоит он в основном из фотографий, которые повсюду почему-то названы рисунками.

Пустынный плац перед заводоуправлением... Ни души около проходной и наглухо закрытых железных ворот... Ни единого человечка в «актовом зале детсада»... Скорбь, запустение и тоска. Разнообразие вносит разве лишь «Рис. 43. Доноры сдают безвозмездную кровь...». И то только подписью. А на самом «рисунке» — мужчины с засученными рукавами. Настроение у них хмурое, сумеречное, понедельничное. Хочется петь что-то протяжное, степное.

Но пока петь не надо. Пока почитайте стихи:

Не космонавты, не геологи, а
химики,
Мы Родине нужны, как и они,
И наши опыты, нелегкие и дымные,
Их подвигу и поиску сродни.

Если бы эти стихи принесло в издательство частное лицо, то лицу их бы вернули, сказав: «Знаете, а у вас и в поэзии опыты очень дымные». Но стихи напечатаны в ведомственном сборнике, а в ведомственном сборнике хозяин — ведомство. В данном случае — Днепропетровский химико-технологический институт. Сборник назван: «Памятка студенту-первокурснику. 1971 г.».

Подавляющая часть его написана, естественно, прозой. И среди прочих разделов есть «Знаменательные даты истории ДХТИ»: «1931 год — введено в эксплуатацию студенческое общежитие № 1... 1953 год — введено в эксплуатацию студенческое общежитие № 2... 1966 год — введено в эксплуатацию студенческое общежитие № 3... 1970 год — введено в эксплуатацию студенческое общежитие № 4...»

«Знаменательные даты» первокурсник должен знать наотлет. Разбуди ночью — ответит.

— А скажи, студент Иваненко, чем был знаменателен 1970 год?

— 1970 год был знаменателен тем, что введено в эксплуатацию общежитие № 4.

— Молодец, Иваненко! Историю знаешь.

А вологодской фирме «Прогресс» тоже стало вдруг стыдно: все издают, а мы отстали. И выпустила фирма «Краткие правила взаимоотношений между работниками...». Составляли их мудрые наставники, тонкие знатоки хороших манер. Учители! «§ 15. Не вздумайте «подливать масло в огонь» и прерывать жалобщика. Дайте ему возможность разрядить его психологическую напряженность. Когда он «разрядится», подавляющая часть жалобы решится сама собой... § 11. Не радуйтесь неудаче товарища — это наша общая неудача. § 12. Трудитесь с огоньком, труд прекрасен...»

Это правда, как правда и то, что подобные советы, рекомендации и заклинания печатаются на тысячах предприятий. И все собственного, домашнего изготовления. Много повсеместно моралистов. И трудятся они, как видно, с огоньком. Еще бы: сказать друг другу «здрасте» — это уже считается элементом научной организации труда — НОТа!

Меня могут спросить: а в каком городе больше всего бумаги? Я бы назвал, пожалуй, Ельск, что в Гомельской области. Если говорить стихами, сей град на карте генеральной кружком означен не всегда. Он даже не град, а официально именуется поселком городского типа. И тем не менее...

Передо мной образцы печатной продукции этого поселка. На них указано: «ИЗДАТЕЛЬ: дирекция Ельской мебельной фабрики», «ИЗДАТЕЛЬ: администрация районного узла связи», «ИЗДАТЕЛЬ: дирекция Ельского промкомбината», «ИЗДАТЕЛЬ: партийная организация плодоовощного завода», «ИЗДАТЕЛЬ: дирекция Ельского быткомбината». Не много ли на один поселок Сувориных и Сытиных, а также братьев Сабашниковых? И что они издают?

А издают они социалистические обязательства. Форматом афиш цирка «Шапито». И в этих обязательствах записано: «вести учет по требуемым инструкциям», «перевыполнить план прироста городской телефонной сети на пять (!) аппаратов», «повысить производственную квалификацию не менее 3 человек», «внести 2 рацпредложения», «обучить через школы предприятий и профтехучилища: рабочих строительных профессий — 1 чел., заготовителей — 1 чел.», «освоить производство нового вида продукции — «свекла маринованная»... Но к чему здесь афишный масштаб, даже если речь идет о таком важнейшем для всех нас продукте, как «свекла маринованная», которую, конечно, надо освоить не щадя живота своего, тем более что по этой линии на соревнование вызван город Жлобин?

Обязательства подобного рода печатаются не только в Ельске. Могу доложить: баня города Ромны дала железное слово «сократить себестоимость одной помывки на 0,01 коп.». Широко распубликовало и расклеило по заборам свои «социалистические обязательства» роменское... похоронное бюро. Оно заверило, что будет «бесперебойно выполнять запросы населения». Словом, и по качеству и по количеству все будет как надо. Не волнуйтесь. И при этом вызвали на соревнование город Конотоп.

...А из двора Библиотеки имени Ленина на днях выехала очередная колонна грузовиков. Повезли на переработку «контрольные экземпляры» памяток, наставлений, обязательств, инструкций, рекомендаций, альбомов, положений, а также описаний леек, шаек, рукомойников и чайников. Переработают эту макулатуру — получится новая чистая бумага. И на ней опять можно будет печатать памятки, наставления, положения, инструкции, а также описания шаек и леек. И опять из ворот библиотеки двинется печальный кортеж...

Но ведь библиотека получает только единичные экземпляры. А где же остальные тиражи? Их, видимо, сжигают на местах. Иначе говоря, производят дымные опыты.

— Командир, нас теснят и окружают!

Рисунок Н. ЩЕРБАКОВА

Анатолий УВАРОВ

ДВА ЛЕМЕХА

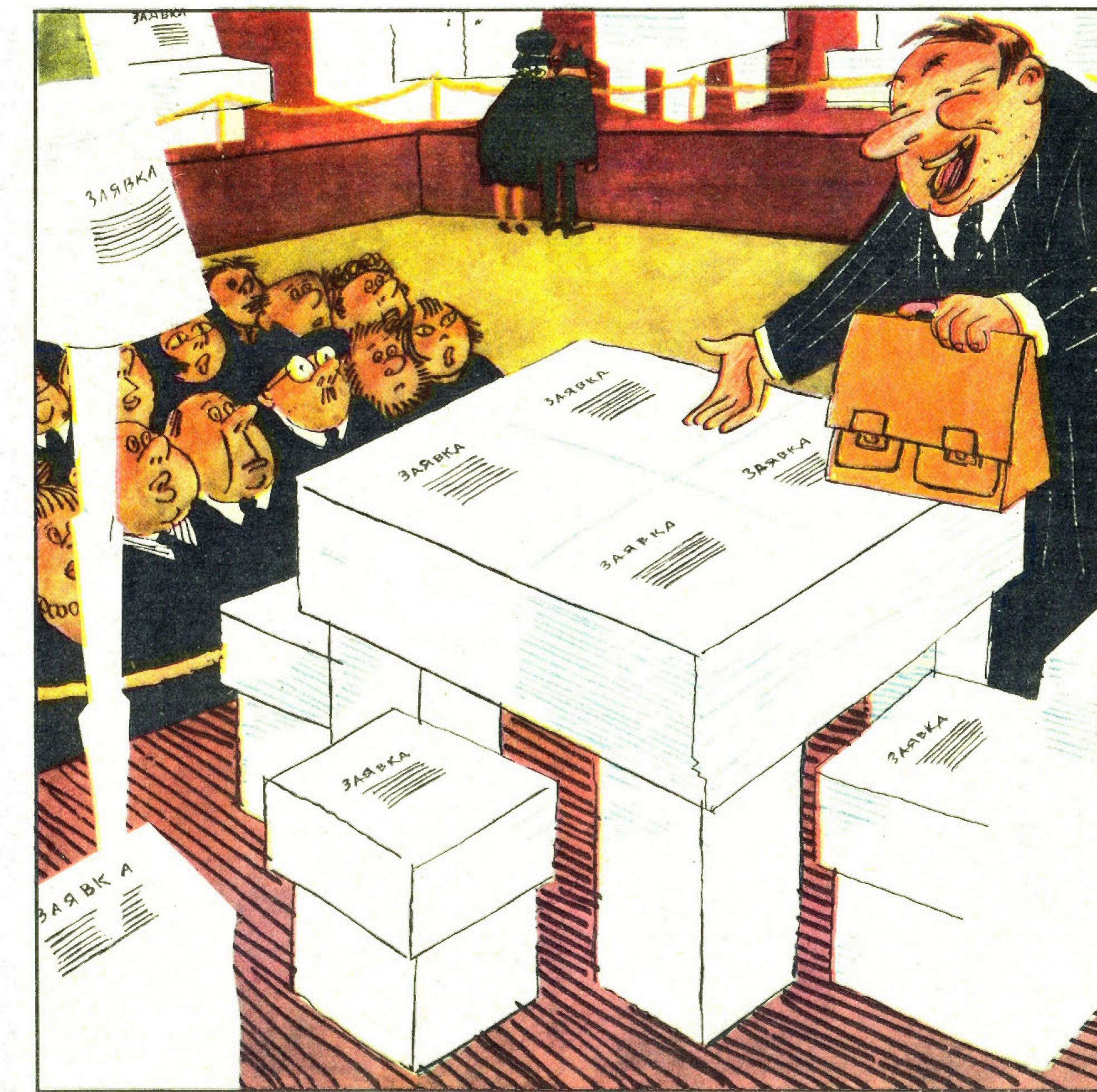
(БАСНЯ)

Два лемеха
Торжественно и чинно
Шагали в поле.
Но дорогой вдруг
Один из них свернул у магазина,
Другой воскликнул:
— Ты куда же, друг?!
— Да вот... смотрю,—
Ответил первый кротко.—
Быть может, и совсем останусь тут.
Сам посуди: непыльная работка —
Тут чистота, удобства и уют!

И он остался в тихом магазине,
Удобненько устроившись в витрине.
Второй,
С усмешкою прищурив глаз,
Чуть помахал рукой былому другу.
Пошел на поле,
Прикрепился к плугу
И приступил к работе в тот же час.

...Мелькали дни.
И как-то знойным летом
Два лемеха столкнулись к носу нос.
Один, как серебро, искрился светом,
Другой — витринный — ржавчиной зарос.
— С ума сойти! —
Прошамкал Лемех ржавый.—
В уюте — я,
А молодеешь — ты!
Какой же толк, не понимаю, право,
От этаких удобств и чистоты?!
— Зря удивляешься,
Тут все предельно просто,
И я тебе замечу от души:
Уж коль ты лемех,
молодой и острый,
То не живи бездельником —
паши!

Перевел с удмуртского
Мих. РАСКАТОВ.

— Мы наладили производство прессованных гарнитуров из заявок на мебель!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Во вторник инженер Бостанов из поселка Бурундай, близ Алма-Аты, перешел в иное качество. Секретарша торжественно внесла в кабинет приказ, на котором после слов «директор Алма-атинского сахарного завода» впервые значилось: «С. Бостанов». Сагатбек Рахманович с уважением поглядел на свою фамилию, щелкнул шариковой ручкой и красиво расписался. За окном пели птицы.

Мудрые люди из поселка Бурундай затаили дыхание. Перемен ожидали они. Мудрые люди знали, что укрупнение калибра сопровождается в некоторых случаях побочными явлениями: снятся величественные сны или тесна становится квартира.

В наш коммунальный век сны не принимаются всерьез, зато квартира играет, как ведущий актер, все первые роли. Это ничего, потому что это знак времени. Тяга граждан к удобствам лелеется нынче в государственном масштабе. Привередами становятся граждане. Токарь Александров, десятилетие назад удовлетворенный радиоприемником «Рекорд», нынче не умеет жить без телевизора с экраном 300 × 380. Учитель физики Петр Иванович, любитель поиграть перед сном на бильярде, полагает, что в радостном будущем у него появится комната, где можно будет установить бильярдный стол хорошего качества.

Учитель Петр Иванович не есть в нашем повествовании лицо отрицательное. Он не требует бильярдной на дому сию же минуту, потому что его молодой коллега по предмету «ботаника» все еще стоит в очереди на квартиру. Граждане же у нас богатеют не в одиночку и не избранно, а гуртом, и когда учитель Петр Иванович получит право на бильярдную, его получит и портной Колбасенко.

Такова тенденция. Но вы помните, что инженер Бостанов стал директором завода и оттого предположил, что отныне он значится в иной человеческой категории. Там, где он значится, правило не действует больше, там властвует исключение. Так решил директор Бостанов.

Мудрые люди из поселка Бурундай знали это. По длинной очереди ожидающих жилья юркнул слушок. Слушок утверждал, что Сагатбек Рахманович испытывает некоторую брезгливость к своему нынешнему очагу.

Существуют в просторном поселке Бурундай два отмирающих барака. Их шестнадцатиметровые ячейки выполняют функции комнаты, кухни, а также, извините за натурализм, совмещенного санузла, отгороженного голубой ширмой. И вот люди из бараков потянулись мимо представительного дома Сагатбека Рахмановича. Если слушок оправдается, рассуждали они, и директор возведет себе новый дом, то в старый дом с удовольствием переселятся две осчастливленные семьи.

Семидесятилетнему и глуховатому пенсионеру Добровольскому, проработавшему на заводе долгие годы, крикнули на ухо, что, может, именно он с бабушкой Ульяной отправится в левую половину бывшего директорского дома.

— Аиньки? — переспросил Дмитрий Феофанович и поглядел на балки, которые подпирали снаружи крышу его жилища, списанного по причине ветхости.

— В новый дом переедешь, Митенька! — повторил ровесник Максим в самое ухо.

— В какой новый?

— В старый директорский. По Титова, восемь.

Ровесник Максим слыл оптимистом.

Неподалеку жила работница завода Серебрякова, и она являлась конкуренткой пенсионера Добровольского, поскольку пейзаж из ее окон начинался с таких же балок.

А люди, ответственные за сахарное производство, питали надежду пригласить на освободившуюся жилплощадь специалиста, ибо нехватка специалистов на заводе пропорциональна нехватке жилья.

И вот тут-то на участке товарища Бостанова, перешедшего в иную человеческую категорию, вырос сарай. Слухи умерли. Если на участке рядом со старым домом вырастает сарай — кстати, самый шикарный из всех существующих в Бурундае,— то, пожалуйста, не говорите больше о переезде директора на новое местожительство.

И все же предчувствие не обмануло мудрых людей из поселка Бурундай. Новый директор действительно испытывал брезгливость к нынешнему очагу и грезил об очаге будущем. В результате заместитель главного инженера завода Кауфман лично нырнул в типовые проекты, выискивая среди них такой, какого не знал доныне родной поселок. Индивидуальность плюс масштабность, рассудил он,— таковы обязательные качества директорского дома.

А как же фешенебельный сарай, спросите вы? Неужто для того вырастил его директор, чтобы, переехав на новое местожительство, оставить его работнице Серебряковой?

Алогичность не числилась в характере Сагатбека Рахмановича: на новое местожительство переезжать он не собирался. Привязанность числилась в характере Сагатбека Рахмановича. Родной участок любил он искренне. Он любил его и просто так и еще за то, что мог обозревать его из окна служебного кабинета. Желая откушать яичницу, он подходил к окну и делал в воздухе изображение. Супруга, понимающе кивнув, удалялась в фешенебельный сарай ставить сковороду.

Теперь вы готовы понять, почему родился творческий замысел снести очаг нынешний и возвести на его месте нечто новое, начиная с фундамента.

Когда замысел достиг населения, население высказало беспокойство и неудовольствие. Пусть директор Бостанов, восклицало оно умеренно громко, строит себе новый очаг, раз уж он перешел в иную категорию, но зачем сдувать с лица земли очаг существующий?

— Зачем, я вас спрашиваю? — гневно наступал ровесник Максим.— В доме можно жить еще весело и надежно.

Но тот, у кого он спрашивал, скромно молчал, потому что тот, у кого он спрашивал, был не директором Бостановым, а пенсионером Добровольским, семидесятилетним и глуховатым.

Подчиненный Кауфман выкрикнул тем временем радостное «Вот!» и вынырнул из типовых проектов с занятыми руками.

— Индивидуальность плюс масштабность,— охарактеризовал он,— а также иные обязательные качества.

Директор погладил проект ладошкой. Это был жест всемогущества. Поднавалила техника, и многочисленные строительные рабочие завода отныне устремлялись по утрам в едином направлении. Распыления производительных сил не допускалось. Когда у слесаря Ивлечева грибок злонамеренно проел имеющиеся полы и слесарь Ивлечев молил выделить ему плотника хотя бы для консультации, прораб Пушечникова отрицательно хмурилась. Ее как-то не тянуло разбивать коллектив, который сплоченно трудился на участке директора.

Существующий очаг благополучно сдули с лица земли и сразу же начали созидательные работы. Народ безмолвствовал. Директор задумчиво потирал грудь, в которой, как вы знаете, ютилась привязанность к насиженным местам.

— Такое не надо говорить, товарищ! — просил директор с неудовольствием.— При чем здесь привязанность? Кто знает теперь: не был ли мой дом ветхий, как шалаш?

Он вызвал своего заместителя Конкина и попросил его пригласить товарища Кауфмана, а когда явился товарищ Кауфман, его послали за прорабом Пушечниковой. Прораб Пушечникова сказала «хорошо» и привела коменданта ЖКО Коваленко.

— Столпитесь у окна,— приказал всем директор Бостанов.

Подчиненные столпились у окна и некоторое время визуально оглядывали фундамент очага, призванного обладать обязательными качествами. В результате появился акт, который начинался словами: «При осмотре трехкомнатного жилого дома по улице Титова, 8, обнаружены следующие дефекты...» Далее следовали пять пунктов, каждый из которых грубо поносил бывший дом директора. А рядом стоял такой же каменный дом того же 1956 года рождения, и в нем мирно жили люди, не перешедшие в иную категорию.

— Акт утвердим в высокой инстанции,— щедро пообещал Сагатбек Рахманович.

Считая себя таковой, он щелкнул ручкой и начертал: «Утверждаю. Директор Алма-атинского сахарного завода С. Бостанов». За окном пели птицы.

Та же высокая инстанция утвердила смету на 10 041 рубль 41 копейку, которые утекли на строительство нового дома. Строительство целомудренно именовалось в смете капитальным ремонтом.

Корреспондента, который прибыл на место для уточнения частностей, директор Бостанов просветил:

— На что посягаете, сатирик? — язвительно произнес он.— Не хотите шагать в ногу с жизнью? Замахиваетесь на человека за желание жить с удобствами? Э, нет, времена нынче иные! Нынче это государственная политика — благосостояние человека. Меня зовут Сагатбек Рахманович, и я государственный человек. Я создаю благосостояние.

Посрамленный корреспондент взял блокнот и записал, размышляя: «Когда учитель Петр Иванович получит право на бильярдную, то его получит и портной Колбасенко».

г. Алма-Ата

КУЛЬТУРА ОБСЛУЖИВАНИЯ

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

НА ЗАВИСТЬ «САТАНЕ» МЭНСОНУ

Ну до чего странная эта дамочка — американская Фемида! И весы у нее в руках есть, чтобы аккуратненько взвешивать все «за» и «против». И повязка на глазах для беспристрастности. Скульптурное изображение богини правосудия высится рядом с министерством юстиции, по фронтону которого тянется надпись: «Перед правосудием все равны». Тем не менее Фемида иногда такие юридические коленца выкидывает — просто диву даешься.

Эти два судебных процесса проходили одновременно. Один из них шел в штате Джорджия. В Форт-Беннинге перед трибуналом предстал лейтенант Колли — палач Сонгми. Другой процесс проходил в штате Калифорния. Здесь судили главаря банды гангстеров — Чарльза Мэнсона по прозвищу «Сатана» и членов его «семьи» — трех девиц, зверски убивших ночью 9 августа 1969 года на шикарной вилле кинозвезду Шарон Тейт и ее четверых знакомых.

Девочки из «семьи» Мэнсона орудовали ножами, как мясники в лавке. На суде они показали, что находились под гипнотическим влиянием своего босса и пошли на убийство по приказу «Сатаны». И хотя Мэнсон сам непосредственного участия в событиях той ночи не принимал, ему все же пришлось сесть на скамью подсудимых. Суд тянулся долго — девять месяцев. Шуму в печати было много. В итоге всех четверых приговорили к смертной казни в газовой камере.

Лейтенант Колли действовал более современным оружием — автоматом. Он своими руками расстрелял 102 мирных жителя Сонгми. Нет, он не отрицал, что расстреливал в упор женщин и детей. Но при этом он застенчиво добавлял: я человек военный — мне приказывали, я выполнял. Он ссылался на свое непосредственное начальство — капитана Медину. А его адвокат пошел дальше: пригрозил вызвать в суд министра обороны Мелвина Лэйрда и предъявить ему обвинение в том, что он использует Колли в качестве «козла отпущения». Заодно он намекнул, что вызовет в суд председателя комитета начальников штабов адмирала Мурера и командующего вооруженными силами США в Южном Вьетнаме генерала Абрамса и докажет, что Пентагон, отдавая под суд мелких исполнителей, хочет умыть руки и уйти от ответственности.

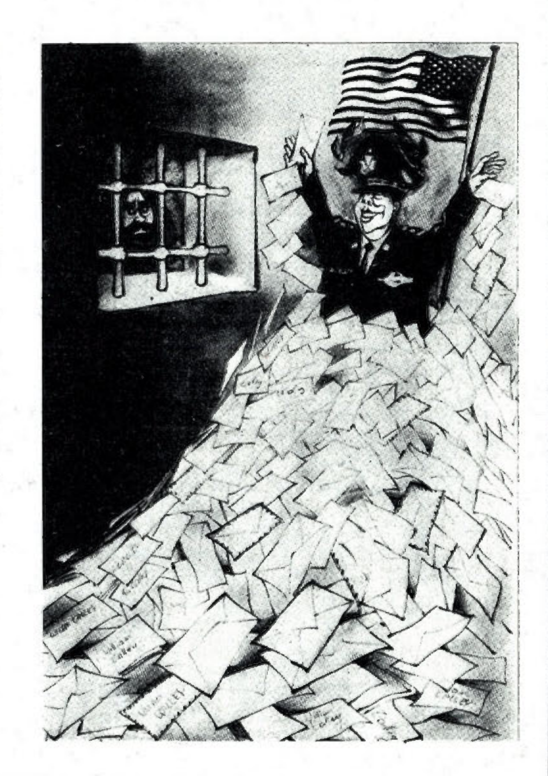
Да, дело поворачивалось совсем не так, как планировали его организаторы.

Вот тут-то американская Фемида и выкинула фортель. Одной рукой она подписала приговор о пожизненном тюремном заключении Колли, а другой тут же освободила его из-под стражи. Президент Никсон даровал Колли свободу на все время, пока его дело будет продвигаться по соответствующим апелляционным инстанциям. Обычно это тянется многие годы. Так президентский приказ фактически перечеркнул приговор военного трибунала.

Согласитесь, что Мэнсону зверски обидно. Еще бы! Его команда укокошила нескольких человек — и вот тебе, жди газовой камеры. А на счету Колли — более сотни жертв, и он гуляет на свободе да еще получает горы поздравительных писем.

«Да, не повезло тебе, Мэнсон,— говорит лейтенант Колли на карикатуре из западногерманского журнала «Пардон».— Ты виновен, потому что Шарон Тейт не была вьетнамкой».

О. ЯРОСЛАВЦЕВ

— Разрешите доложить: боеприпасы кончаются!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Мих. ДВИНСКИЙ

МИКРОБ В ПОХОД СОБРАЛСЯ...

Не то — от сверхусердия,
не то — от страха сер,
полковник нервно вертится —
дрожит почтенный сэр.
Он отдал шефу рапорт
С ладонью у виска:
«Построены к параду
особые войска!»
С восторгом крякнул генерал
и радостно забормотал:
«Толковые ребята
придумали бульон,
где в каждой капле спрятан
солдатиков мильон!
Не будет сагитирован
надежный мой солдат,
не сгинет дезертиром он,
не станет рассуждать.
Ну где ж еще найдешь его,
подобного вояку,
чтоб стоил он столь дешево,
без дрожи б шел в атаку!
Не зря корпели гении,
могучие умы,
весь век над изучением
чудесницы-чумы!»
У шефа в голове шальной
звенит лихой мотив:
«Даешь сыпной! Даешь
брюшной!
Даешь возвратный тиф!»
Поглаживает китель,
величьем упоен,
проказы предводитель,
чумы Наполеон.
Вокруг застыли смирно
микробные чины...
Все паразиты мира —
бациллы и банкиры,
пираты и вампиры —
по-братски сплочены!

г. Вильнюс

Бор. ЮДИН, специальный корреспондент Крокодила

ЧЕТВЕРО С ОДНОЙ СКАМЬИ

«Рабами мы были у фараона в Египте, и вывел нас Бог, господь наш, оттуда твердой рукой» — так начинается «агада», сказание о чудесах библейских времен.

Бог здесь участвует символически, как вдохновитель событий. Организатором великого освободительного мероприятия был мудрый Моисей, величественный старец с окладистой бородой, каким он предстает перед нами в скульптурном портрете работы Микеланджело Буонарроти.

Отдадим должное красивой легенде. Вывел так вывел. Водил по пустыне сорок лет — ему виднее. Кормил кашей из манной крупы, падавшей с неба. На доброе здоровье! И даже принес с горы Синайской тяжеленные каменные скрижали, на которых было высечено, чего не следует делать. Что ж, нравственное воспитание тоже не последнее дело: не единой манной кашей жив человек.

Все это было, если верить той же «агаде», давным-давно. И вот четыре с лишним тысячи лет спустя...

Зал, где заседает судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Латвийской ССР, полон. Слушается дело об организованной антисоветской сионистской пропаганде. В зале — слушатели, желающие лично ознакомиться с процессом, и родственники обвиняемых.

На скамье четверо: два инженера — А. Шпильберг и Б. Мафцер, слесарь М. Шепшелович и медсестра Р. Александрович. Все рижане. Возраст — от двадцати двух до тридцати трех лет.

Судят их не за то, что якобы голос далеких предков властно призывал их вернуться на землю обетованную, в государство Израиль. Это заслуживало бы лишь внимания врачей, специалистов по слуховым галлюцинациям. Судят за другое: за связи с вполне современными зарубежными антисоветскими вербовщиками пушечного мяса, прикидывающимися радетелями якобы «угнетаемых» советских людей еврейской национальности.

Неважно, как встретилась эта четверка и как познакомилась. Важно то, что они нашли общий язык. И язык этот был клеветнический, полный злобной лжи. Устная пропаганда их не устраивала, клевета была задумана и организована в широких масштабах. И в основу ее были положены зарубежные антисоветские «пособия».

Перед нами небольшого формата брошюра на русском языке. Названа она коротко, но вполне глупо — «Домой!». Прислана из Израиля по почте. В ней слезливые вздохи непрошеного «сочувствия» перемежаются с клеветой на внешнюю и внутреннюю политику социалистических стран, в первую очередь Советского Союза.

Вот другой «материал» — стихи неизвестного поэта, воспевающие на русском, неважно зарифмованном языке заманчивые картины жизни в далекой Палестине.

Они не только знакомились с этими литературными подарками. Они их размножали, рассылали, подбрасывали всем, кого пытались залучить в свои ряды. Улов их был до смешного скуден: поверить брошюре «Домой!» может только тот, у кого не все дома.

Роли были распределены: Шпильберг — идеолог. Мафцер — организатор. Не дюже грамотный Шепшелович — технический исполнитель, на его долю пришлось фотографирование, размножение отпечатков и прочее. Двадцатидвухлетняя Александрович заводила знакомства и искала «обиженных».

Вдохновленные зарубежными «пособиями», они начали сочинять литературу собственными силами. Так появилась «Инструкция по сбору материалов об угнетаемых евреях». В число «угнетаемых» заносились осужденные за воровство жулики.

Потом была задумана газета «Итон». Два номера они успели выпустить и распространить в Риге, Ленинграде, Москве. Третий номер уже не получил тиража. В единственном экземпляре он приобщен к делу.

Затем было сочинено «Воззвание» — все тот же перепев зарубежной лжи и клеветы. Распространяли всеми способами. Обсуждали планы на тайных сборищах. Зашифровывали имена, факты, числа. Москву именовали «Миша», Ригу — «Рома». Действовали, спешили, торопились. Земля обетованная ждала пополнения. Голда Меир призывала дорогих детей в тель-авивское гарнизонно-казарменное лоно. И четверка в предвидении будущих похвал соблазняла легковерных.

Но похвал не последовало. Последовали обвинительное заключение, речи прокурора и защитников, заключительные слова подсудимых.

Они держали себя по-разному на следствии и в зале, где свершалось правосудие. Шпильберг, основной автор «сочинений», сказал такую выспреннюю речь в защиту Советской власти и образа жизни советских людей, как будто он собирался уехать не из Риги в Тель-Авив, а наоборот. Мафцер, как выяснилось, сам не подавал заявления о выезде в Израиль. Он хотел отправить на военно-призывные пункты Израиля других. Шепшелович с деланной наивностью спрашивал: «Неужели такие маленькие листовки могли повредить такому большому государству?» Медсестра долго пыталась определить свое политическое кредо и наконец придумала, заявив, что она «сионистка-социалистка».

Правосудие сказало свое слово: виновные наказаны лишением свободы на разные сроки — от одного до трех лет.

Но отправители лживой, клеветнической литературы из Тель-Авива на свободе. Они не успокаиваются. Провалились попытки сеять сионистскую пропаганду руками четырех рижан — они будут искать других исполнителей своих политических диверсий.

— Кто и когда уполномочил вас выступать в защиту всех советских евреев? — спросил у Шпильберга судья.

— Я самозванец,— ответил тот.

Самозванец не только он. В воззвании «За возвращение еврейского народа на родину», написанном в духе брошюры «Домой!», с использованием мыслей и цитат из этой лживой и жалкой книжонки, на седьмом листе изложена в одной фразе вся глубокомысленная суть этого самозванства: «Мы считаем, что для современного мирового еврейства нет более высокой задачи, чем спасение трех миллионов советских евреев».

Прочитав такое, хочется немедленно предупредить об опасности всех, над кем нависла хищная длань тель-авивских «спасателей».

Колхозники и рабочие, инженеры и врачи, академики и музыканты, генералы и балерины, будьте бдительны! Вас собираются спасать. Новоявленный Моисей в юбке жаждет вывести вас в лоно земли Ханаанской, обещая духовное совершенство и несчетные блага земного изобилия.

Что касается первого, то убийства арабских стариков, женщин и детей говорят о таком «духовном совершенстве», какое и не снилось автору заповеди «не убий».

В смысле земного рая — тоже брехня: манной каши с небес в меню не обозначено. Не те пошли заповеди. И Моисеи не те.

Вряд ли великий Микеланджело Буонарроти воспылал бы желанием высечь их.

Разве что без помощи резца.

г. Рига

ОПАСНЫЙ ВКЛАД

Рисунок А. КРЫЛОВА

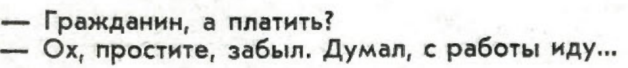
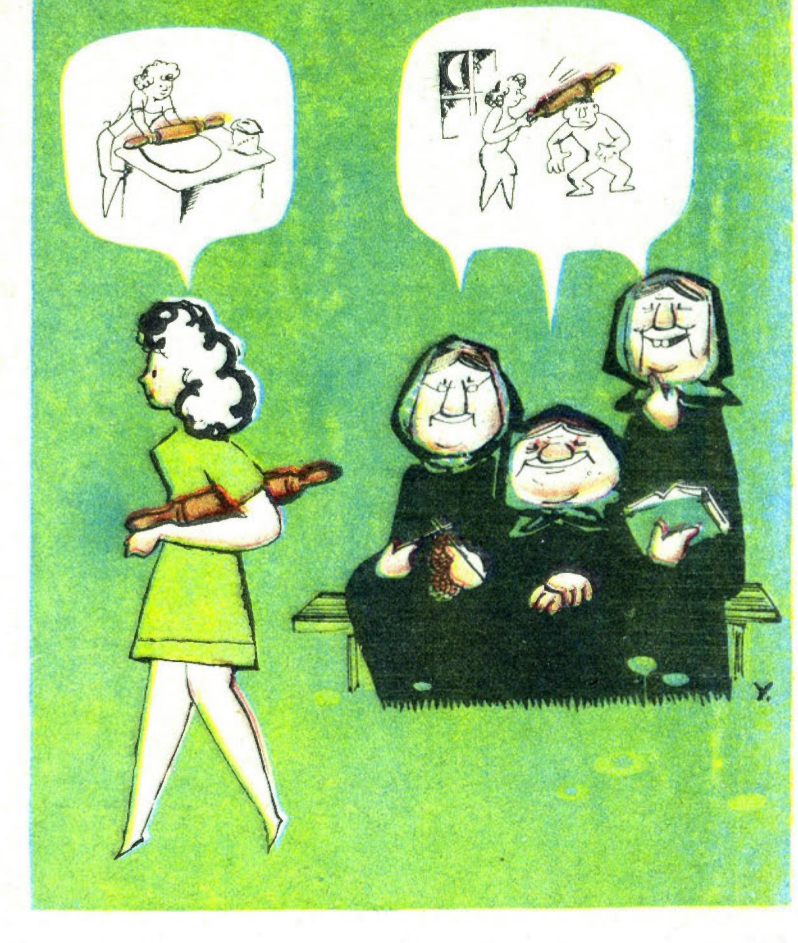

— Гражданин, а платить?
— Ох, простите, забыл. Думал, с работы иду...

Рисунок Е. ГУРОВА

РОЖДЕНИЕ СПЛЕТНИ

Рисунок М. УШАЦА

Джахангир ГЕЗАЛОВ

У МЕНЯ ЗАЗВОНИЛ ТЕЛЕФОН...

Все завидовали Алигули: в дружной его семье никогда не бывало ни ссор, ни раздоров. И мало кто знал, что в этом безмятежном с виду семействе давно уже назревал крупный скандал, поводом для которого послужил старый телефонный аппарат, совершенно невинная на первый взгляд вещь. Не проходило дня без того, чтобы жена и дети не упрекали Алигули в том, что этот аппарат вот-вот развалится, что он самый старый во всем городе. Даже у соседа Хокмали в доме новехонький болгарский телефон, а ведь он всего-навсего работает в пивном павильоне.

— Чем бездельник Хейрула, который вообще нигде не работает, лучше нас? — возмущенно говорила жена Алигули.— А ведь и он умудрился достать новый телефонный аппарат.

Подобные упреки градом сыпались на Алигули и днем и вечером. Наконец, выведенный из терпения хозяин дома собрал домочадцев и произнес краткую, но выразительную речь.

— Свет моих очей,— сказал он жене,— я не знаю, где можно купить новый телефонный аппарат, о котором вы все мечтаете. В магазинах, по-моему, его не продают. Разузнайте, где можно его приобрести, а о покупке уж я позабочусь сам.

Однажды, возвращаясь с работы, Алигули был встречен на пороге квартиры такими радостными возгласами своего семейства, что первой его мыслью было: «Ну наконец-то и бабушка к нам выбралась из деревни, ведь сколько ее ждали».

Вопреки его ожиданиям любимая всеми бабушка не показывалась, а дети, прыгая вокруг отца, кричали не совсем понятные слова:

— Папа, он сам к нам пришел, сам!

— Кто пришел? — спросил ошеломленный Алигули.

— Тот, кого мы искали! — наперебой затараторили дети и жена.— Сидим мы дома, телевизор смотрим, и вдруг звонок в дверь. Открываем, а на пороге стоит такой симпатичный незнакомый человек. Как нас увидел, сразу вытащил удостоверение. «Я,— говорит,— телефонный мастер. Не нужен ли вам заграничный телефонный аппарат?» Мы, конечно, сразу закричали: «Нужен, нужен!» Пригласили мы его в комнату, а он быстро распаковал коробку и вытащил такой аппарат, что мы ахнули. Красавец!

— Мастер ждет,— тихонько шепнула жена Алигули,— ты, дорогой, поговори с ним. Может, уговоришь обменять наш старый телефон на новый, заграничный.— И супруга решительно подтолкнула Алигули к двери в комнату.

Войдя, Алигули вежливо поздоровался с приятным молодым человеком. А тот широким жестом указал на молочно-белый аппарат, поблескивающий на столе.

— Вот, пожалуйста, болгарский, последняя модель. Если пожелаете, могу и польский устроить.

— А за сколько продадите? — спросил осторожный Алигули.

— Вообще-то он не продается,— доверительно сообщил мастер.— Государственная цена этому красавцу — пять рублей, но предназначен он только для обмена на старый. Из уважения к вам могу обменять на вашу рухлядь. Ну за труд, конечно, заплатите мне какой-нибудь пустяк. Вот сейчас я подключу, посмотрите, как работает. Не звонок, а музыка!

— Подождите, подождите! — остановил не в меру расходившегося мастера недоверчивый Алигули.— Давайте сначала все-таки договоримся, во сколько это мне обойдется.

Мастер оценивающе взглянул на хозяина дома:

— А вы кем работаете?

— Я... пишу,— несколько растерявшись, ответил Алигули.

— Ну, если так,— умиленно сказал мастер,— я с вас полсотни или шестьдесят рубликов не возьму! Уважаю литературу. Платите тридцать, и разойдемся друзьями.

Отступать было некуда, и Алигули согласился.

Вскоре аппарат был подсоединен, и в комнате раздался мелодичный звонок: монтеру по его просьбе звонили со станции. При звонке на аппарате весело вспыхивала лампочка, и восторгу детей не было предела. Вздохнув, Алигули достал тридцать рублей и положил их на стол. Ставший вдруг застенчивым мастер подмигнул хозяину и покосился на детей. Когда отец выпроводил их в другую комнату, телефонный волшебник бережно достал из кармана какую-то бумагу.

— Вот, распишитесь, что аппарат я вам заменил.

Быстро пробежав глазами документ, Алигули удивленно проговорил:

— Это же заявление работника министерства, гражданина Н.! Он просит установить ему новый телефонный аппарат. Почему же я должен ставить свою подпись под чужим заявлением?

— Потому что аппарат установили вам, а не ему,— терпеливо, как ребенку, разъяснил мастер.

— Но ему вы тоже установите телефон?

— Еще чего не хватало! — возмутился парень.— Он и заявление это не писал, мы сами за него постарались.

— Но ведь может произойти скандал?

— Никакого скандала не будет,— авторитетно заверил мастер.

— А начальник телефонной станции Шулан Мамедов об этом знает?

— А зачем ему знать? Не приведи аллах! Он нас со свету сживет! Ничего он не знает. В книге регистрации черным по белому написано, что новый аппарат установлен в квартире гражданина Н. согласно его заявлению. Не беспокойтесь, все в порядке, комар носу не подточит.

Сраженный всеми этими доводами, Алигули взял ручку и подписал. Мастер проворно спрятал бумагу и деньги в карман, забрал старый аппарат и инструменты и, уходя, предупредил, что все происшедшее нужно хранить в строгой тайне. Иначе не только ему, но и Алигули не поздоровится: никто не похвалит его за то, что он подписался под чужим заявлением.

Алигули долго хранил тайну, но в конце концов одному ему стало трудно нести это бремя, и он поделился со своим другом Ниязом. С тем самым Ниязом Мамедовым, который работает начальником отдела надзора Бакинской прокуратуры. А Нияз этим делом всерьез заинтересовался.

Я краем уха об этом прослышал, и мне тоже стало любопытно: чем же все кончилось? И один мой знакомый по секрету сообщил: во время расследования Нияз Мамедов установил, что начальник центральной телефонной сети г. Баку Ислам Мусаханов, электромеханик Эдик Черводаров и другие, вступив в преступный сговор, составляли фиктивные заявления от имени абонентов и таким путем незаконно продали более тысячи телефонных аппаратов по спекулятивной цене.

Тот, кто мне это рассказал, просил хранить все в тайне. Я клятвенно обещал ему и долго никому ни о чем не говорил. Но человек слаб: как и Алигули, я не выдержал и решил поведать об этой любопытной истории своему давнему другу «Крокодилу».

Перевел с азербайджанского Э. ИБРАГИМОВ

С. ШАТРОВ

ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ: БЕЛЫЕ САПОГИ

Мой добрый знакомый, довольно известный ученый, неожиданно для себя обнаружил некую таинственную закономерность в руководимом им институте. В последние дни месяца некоторые сотрудники, которых нельзя было заподозрить в небрежении к своим обязанностям, куда-то исчезали в часы работы. Это было по меньшей мере странно. Коллектив никогда не отличался недисциплинированностью, работал с увлечением, был весь в поиске. Конфликты возникали по совершенно иным поводам. Гардеробщицы жаловались: дескать, ученые допоздна колдуют в своих лабораториях, совершенно не считаясь с нормированным временем обслуживающего персонала. Директору пришлось издать приказ, запрещающий работать в ночные часы. Приказ нахально игнорировался, особенно молодежью.

И вот на фоне этих, так сказать, позитивных фактов необъяснимыми казались самовольные отлучки.

Мой знакомый, назовем его вымышленной фамилией Андрощенко (лишь при этом условии он разрешил привести его диалог с женой), любил докапываться до сути явлений и, событий. Но в данной ситуации его аналитический ум забуксовал.

29 мая товарищ Андрощенко заглянул в лабораторию № 3 и не нашел там двух сотрудниц, с которыми намеревался побеседовать относительно проведенного эксперимента. На вопрос, куда девались Инна Аркадьевна и Тамара Степановна, девчушка-лаборантка, страшно смущаясь, пролепетала нечто невнятное. Вечером того же дня директор вспомнил об этом случае и сказал жене:

— Снова загадочные отлучки. На три часа исчезли два кандидата наук. Кстати, весьма серьезные и уравновешенные особы. Не понимаю, что у нас происходит. Сегодня я опять заметил какую-то непонятную нервозность среди дамской части нашего коллектива. Я просто теряюсь в догадках!

— Какое нынче число? — спросила жена, которая была далека от научных проблем, волновавших Андрощенко.

— Двадцать девятое.

— Все понятно. Конец месяца.

— Что из этого следует? — недоумевая, спросил Андрощенко.

— Митя, ты совершенно оторван от жизни,— сказала жена.— Неужели ты не знаешь, что в конце месяца магазины обычно выбрасывают лучшие товары?

— Выбрасывают в смысле продают?

— Вот именно!

— Позволь, почему лучшие товары, пользуясь твоей терминологией, надо выбрасывать в конце месяца?

— Для выполнения плана.

— Но ведь план надо выполнять в течение всего месяца.

— Так-то оно так. Но когда под занавес выясняется, что план трещит, тогда пускаются в дело наиболее ходовые товары.

— Ты что-то путаешь,— засомневался ученый.

— Милый, когда ты был в последний раз в магазине?

— Кажется, в прошлом году.

— В позапрошлом. В этот исторический день ты купил себе берет, кстати, дамский. С тех пор товаропроводящая сеть не имела счастья видеть тебя... Я же половину своей жизни провожу в магазинах. Я покупаю все: от запонок до кур и... не витаю в облаках, как некоторые другие...

Разговор принимал явно нежелательный для Андрощенко характер, он поспешил заблаговременно расписаться в своей некомпетентности:

— Вероятно, ты права, дорогая, я абсолютный профан в вопросах быта.

Ученый покривил душой. Внутренне он решил самолично проверить утверждения супруги, заглянуть в изнанку фактов.

Вот почему тридцать первого мая он попросил меня принять участие в рейде по торговым точкам.

Свой рейд мы начали с крупных универмагов, не брезгуя, впрочем, и мелкими промтоварными точками. Перед нашими взорами возникла типичная для последних дней месяца картина. Переполненные магазины. Кометные хвосты очередей. Возбужденные ожиданием и неизвестностью покупатели. И слухи, которые бесперебойно передавал изустный беспроволочный телеграф: «Слыхали? На Колхозной площади, вероятно, выбросят эмалированные кастрюли! На Никитской — махровые полотенца! В Столешниковом — кепки-соломки, в Марьинском универмаге, возможно, будут белые сапоги».

Мы заходим в посудный магазин. У прилавка спрессованная толпа. Ждут сервизов. Часы бьют двенадцать, а сервизов, как Германа, все нет...

— Быть может, вы напрасно ждете? — говорит Андрощенко.

— Сервизы будут! Последний день месяца! — как заклинание, произносит покупательница.

— А вы пробовали заглянуть сюда в первых числах мая?

— Сразу видно — мужчина,— с некоторой долей презрения говорит покупательница.— Кто же ходит в магазин в начале месяца? Вы что, со спутника свалились?

— Не сердитесь,— говорю я.— Он темный человек.

Мы покидаем магазин.

— Ерунда какая-то,— говорит Андрощенко.— Глупистика! Оказывается, опытный покупатель считает для себя бессмысленным приходить в магазин в начале месяца. И ведь его научили этому. Сами же создаем торговый «пик». Конец месяца, конец квартала, конец года. В результате ненужный ажиотаж. Я понимаю: у нас еще есть нехватки некоторых товаров. Но зачем усугублять положение? Возможно, это вызвано желанием сбыть неходовые товары? Увы, как часто благими намерениями вымощена дорога в торговое чистилище! Интересно знать: кто является автором этих торговых новаций? Поглядеть бы на этого мыслителя!..

Андрощенко продолжает возмущаться у себя дома.

Поостыв, он стучит в дверь комнаты жены.

— Сейчас пообедаем, чайку выпьем,— заговорщически сообщает он мне.

— Это ты, Митя? — доносится из комнаты старческий голос.

— Бабушка, где Настенька? — спрашивает ученый.

— Как где? Сегодня же тридцать первое. Ушла за белыми сапогами...

КУКРЫНИКСЫ. НОВЫЕ ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ

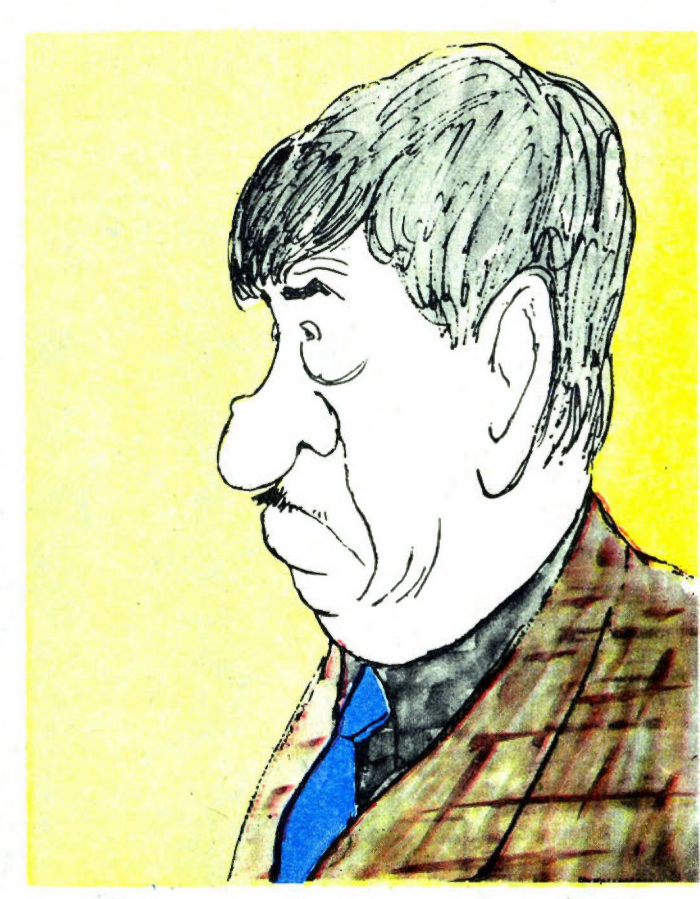
Б. ПОЛЕВОЙ

Его, всегда в работе видя,
Сумели оценить давно.
Он сохраняет «Юность», но
В отредактированном виде.

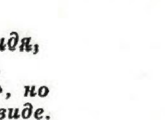
Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Ступеньки
лесенки
считая
головой,
Мы встали,
по-
тря-
сен-
ные
тобой!

С. ЧУЙКОВ

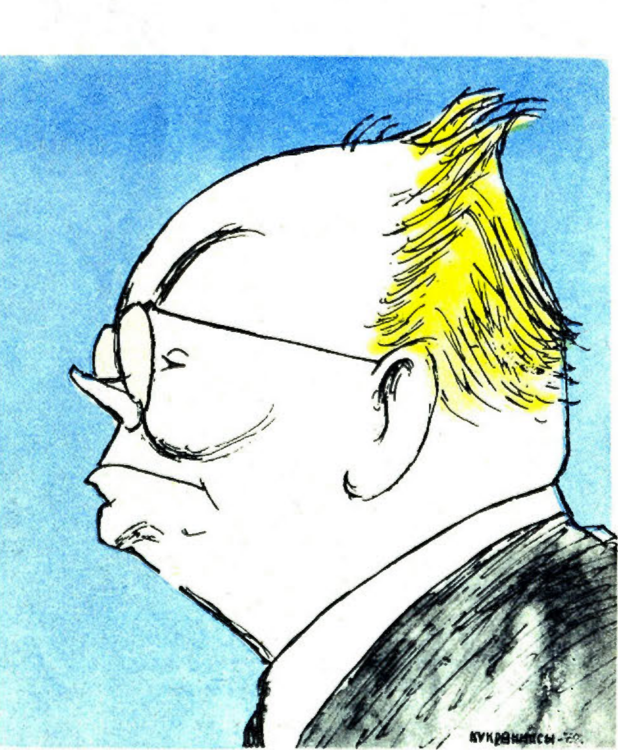
Из-за того, что мастер самобытен,
Произошло смещение веков:
Нам Индию сперва открыл Чуйков,
А уж потом тверской купец Никитин.

В. ГОРЯЕВ

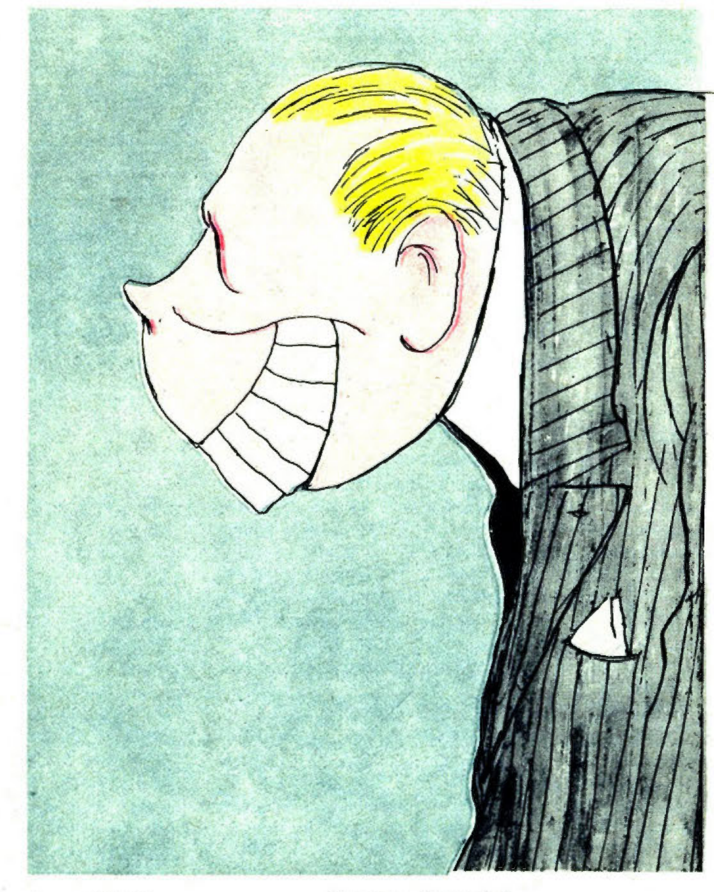
Отметим, не коря его,
Художника Горяева,
Имеющего вес
И с бородой и без.

Н. ТОМСКИЙ

Президенту дел хватает:
Ездит, плавает, летает,
Заседает, убеждает,
Отвергает, утверждает,
А в свободные моменты
Созидает монументы.

Л. ЛЕНЧ

Сатира беззуба?
Как грубо!
Сатира зубаста
И — баста!

Эпиграммы Александра Иванова и Александра Рейжевского

— А сегодня с трибун не кричали: «Судью с поля!»
— Так трибуны же пустые...

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

Э. ЕВДОКИМОВ

Когда мяч в игре

— Ал-ло! Это Мормышков? Уже у телевизора? Не началась игра? А мне, понимаешь, не повезло: не могу уйти. Что? Говорю: не по-вез-ло! Кнопочкин стоит за дверью кабинета. Пришел и стоит. Не уходит. «Целую неделю,— говорит,— к вам хожу, а все не могу попасть». Ко мне ходит. Дело у него какое-то. Ну да, придется выслушать. А ты звони! Уже играют? И как? Ничего? Понятно: разведка сил. Завидую тебе. Ну, пока!.. Кнопочкин! Давай входи! Садись вот, Кнопочкин. Выкладывай свое дело.

— У меня, Тихон Тихонович, предложение есть. Проект небольшой.

— Это хорошо, что небольшой. Давай проект.

— Придумал я, Тихон Тихонович, как всех акул уничтожить!

— Вот придумал, так придумал! Зачем это?

— Так ведь акулы — хищники. Они рыб обижают.

— Давай, давай! И как их уничтожить?

— В море надо установить зеркало. Акула, увидя свое изображение, бросается на зеркало и разбивается. За ней другая, потом третья. Все просто.

— Значит, как ты говоришь? Устанавливается зеркало, акула разбегается — и готово! За ней следующая и так далее. В порядке живой очереди. И до каких это пор?

— Пока все акулы не охватятся данным мероприятием.

— Все акулы?.. Алло! Мормышков? Ну как там? Забили? Кому забили? Им забили? Это хорошо, Мормышков! Смотри дальше. А я тут с Кнопочкиным. Предложение у него. Идея-то вообще оригинальная. Звони!.. Слушай, Кнопочкин. Мне кажется, твое предложение стоящее. Какая производительность установки?

— Около девяти тысяч акул в год.

— Поздравляю, Кнопочкин! За сколько лет обслужим всех акул?

— Не подсчитал еще.

— Ну ничего, подсчитаешь... Слушаю! Мормышков? Ага! Два — три уже? Порядок! В чью пользу? В чью? Как же это?.. Начали хорошо... Вот оно как обернулось... Звони!.. Кнопочкин? Ты еще здесь? Тебе что нужно?

— Так я, Тихон Тихонович, насчет акул.

— Каких акул?.. Ах, да! Вот что, Кнопочкин. Мала производительность твоей установки. А во-вторых, ты не подсчитал, сколько потребуется времени на всех акул. Человечество, по-твоему, должно томиться в неизвестности и ждать, пока ты соизволишь подсчитать, а потом уничтожить всех акул. Этих мировых хищников. Дети будут ждать, женщины, да? Зеркало установить... Примитивно все уж очень... Алло! Ты, Мормышков? Сравняли счет? Ну, спасибо! Кнопочкин? У меня. Беседуем вот. Понимаешь, что меня привлекает в его предложении,— это то, что все просто. Затраты небольшие, одно только зеркало и надо. Ну давай, информируй дальше!.. Значит, так, Кнопочкин. Хотя ты не знаешь, за сколько времени мы уничтожим этих пресмыкающихся, но меня подкупает простота твоего предложения. Молодец, Кнопочкин! Оформляй проект. Только доведи уж дело до конца, подсчитай все. Чтобы в цифрах было. Не подводи меня.

— Спасибо, Тихон Тихонович! Я подсчитаю. Мне главное, чтобы идею поддержать. Морально, так сказать, вдохновить.

— Вдохновлю, Кнопочкин. Окрылю... Алло! Мормышков? Так, слушаю. Проиграли? Мы? Что же это получается? Как теперь работать? Кнопочкин? У меня сидит. С того еще времени. Идея, говорит, появилась, видишь ли. Ничего не могу понять в этой идее. Недоработанный проект, все как в тумане... Вот что, Кнопочкин! Что ты мне морочишь голову? Не подойдет! Производительность мала, расчеты не окончены. Куда девать разбитых акул — не подумал.

— Так я же, Тихон Тихонович...

— Что ты?.. Обожди вот... Это кто? Алло! Опять ты, Мормышков? Чего тебе? Пошутил? Наши выиграли? Ну, знаешь... Да от твоих шуток у меня в боку закололо... Фу!.. Так вот, Кнопочкин. Пусть будет так, как я сказал: оформляй проект. А мне отдохнуть надо. Уморил ты меня совсем, пока я разобрался, что к чему...

г. Витебск.

Поэзия: доверительные строки

Москва, Н-ку З. К., приславшему:

Ко мне пришел водопроводчик
И отопление врубил.
Я ненавижу его очень
За то, что взял с меня рубиль,

и предупредившему:

«С высылкой гонорара прошу не затягивать!»

Если бы к Вам пришло вдохновение, возможно, Вы и получили бы гонорар. Но так как к Вам пришел слесарь-водопроводчик, то гонорар получит он.

Магнитогорск, В-ку Г. В. На строчки:

Показуха... показуха,
Что такое, знаем все.
Это просто залипуха
В выполнении, в труде.

Благодарим за доходчивую расшифровку малопонятного и труднодоступного для восприятия слова «показуха». Теперь, надеемся, до всех дойдет его истинное значение.

Крокодил помог

МАРШРУТ ВЗЯТ ПОД КОНТРОЛЬ

Прерии у нас отсутствуют, констатировалось в фельетоне Р. Киреева «Маршрут невзрослого человека» («Крокодил» № 34, 1970 г.), а подросткам тем не менее снятся приключения и опасности. Это оттого, что буйствует в сердце подрастающего поколения огонь, который принято именовать романтическим.

Функции прерий переложены нынче на учреждения: аэроклуб, турбазы, водный бассейн... Но куда деваться ташкентскому подростку, если учреждения эти в его родном городе хилы и малочисленны? И вот прокладывает затосковавший невзрослый человек маршрут к местам, где потаенно продается наркотик «анаша» в порционном исполнении.

Выступление журнала обсуждалось бюро Ташкентского горкома КП Узбекистана, а также в городском управлении культуры и исполкоме Фрунзенского райсовета. Директор парка имени Кирова Клевлеев (парк — один из очагов подпольной продажи «анаши») освобожден от должности. Снят с работы лейтенант милиции Гафуров, а старший лейтенант Сафин получил строгий выговор. Начальник Фрунзенского райотдела милиции Хашимов и его заместители Усманов, Садыков, Зайко строго предупреждены.

Намечены мероприятия по улучшению культурно-массовой работы среди молодежи. Предусмотрено строительство и расширение физкультурно-спортивных комплексов.

В общем, маршрут невзрослого человека, как сообщил редакции секретарь горкома партии Р. Шанигматов, взят под контроль.

«ТАК ДЕЛО НЕ ПОЙДЕТ»

Кто бы мог подумать, что плохое трамвайно-автобусное сообщение явится причиной конфликта между мастером Липецкого тракторного завода Коровиным и слесарем Караваевым. А, между прочим, это так.

Транспорт, на котором рабочие добирались до дома, работал из рук вон плохо. После работы все спешили получить свои пропуска в табельной, чтобы быстрее попасть на остановку.

Мастер Коровин несколько раз обращался к слесарю Караваеву с просьбой получить вместе со своим пропуском и его. А слесарю это показалось обидным. Он взял да избил мастера... Этой истории был посвящен фельетон Е. Матвеева «Так дело не пойдет» («Крокодил» № 7).

Мы получили четыре отклика на фельетон: от прокуратуры области, горисполкома, парткома Липецкого тракторного завода и отдела милиции Левобережного района г. Липецка.

Факты подтвердились. Плохая работа городского транспорта обсуждалась парткомом завода совместно с представителями отдела городского пассажирского транспорта, трамвайного управления и автобусного парка. Приняты меры к тому, чтобы трамваи и автобусы не нарушали графика движения.

За избиение мастера Коровина слесарь Караваев осужден нарсудом Левобережного района.

По тому же поводу

НЕЙМЕТСЯ!

Еще в прошлом году Крокодил поведал читателям об одной достопримечательности Тюмени. В самом центре города даже летом не высыхала большая лужа. На снимке, иллюстрировавшем заметку «Товар лицом» (№ 22, 1970 г.), можно было видеть, как пешеходы преодолевают эту водную преграду.

Вскоре после выступления Крокодила на месте лужи появилась асфальтированная площадь.

Но, как видно, в Тюмени не могут жить без достопримечате л ь н остей. И вот вместо исчезнувшей лужи, теперь уже в центре юго-западной части города, появилась свалка различного хлама и пищевых отходов. Вернее, это огромный котлован, вырытый неизвестно для какой надобности и превращенный в мусоросборник.

А вокруг него расположились и поликлиника, и медицинский институт, и магазин кулинарии, и кафе под названием «Юность». Но ни ароматы цветов, ни дразнящие запахи шашлыков не могут забить благоухание свалки. Ну, а о том, чтобы открыть в летний вечер окно, и речи быть не может.

Кстати, эти запахи вдыхает и санэпидемстанция, находящаяся тоже рядом.

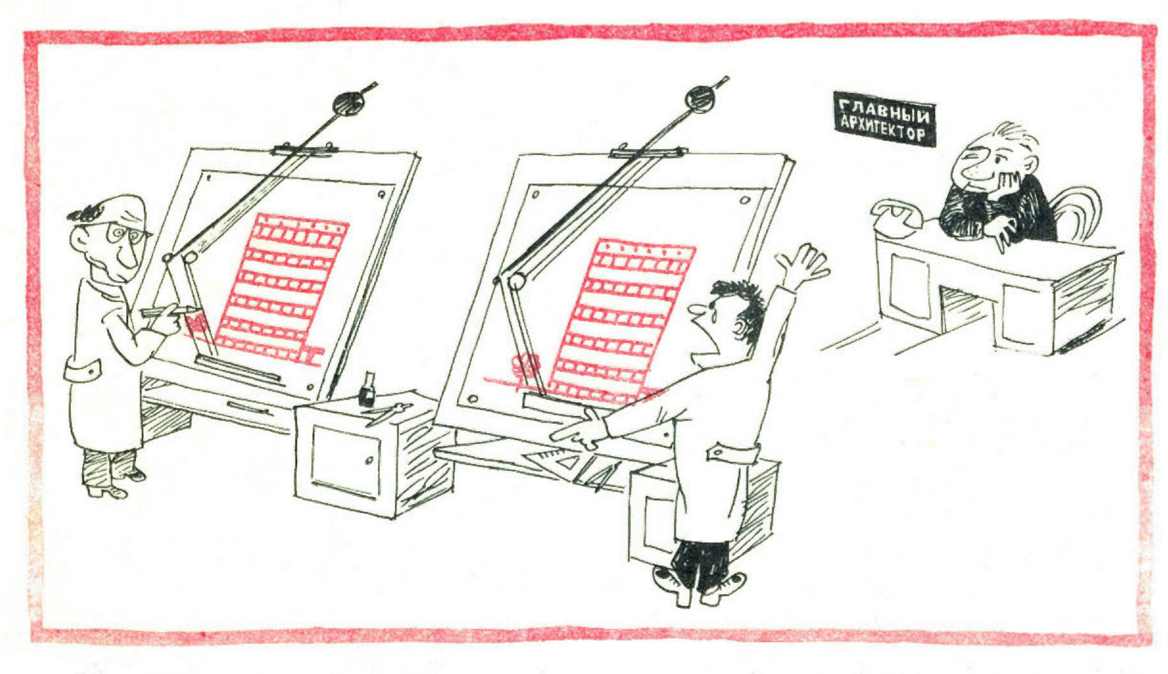
«СТАКАН ГОЛУБОГО ОЗЕРА»

Автор этого фельетона («Крокодил» № 10, 1971 г.) поделился с читателем впечатлениями о столовой города Валдая. Обед, предложенный ему в этой столовой, оказался почти совершенно несъедобным.

В редакцию пришел ответ за подписью председателя правления Валдайского райпотребсоюза тов. Никитина и секретаря парторганизации тов. Михайлова. Фельетон обсужден на совместном заседании бюро парторганизации и правления райпотребсоюза в присутствии заведующего общепитом тов. Бабкевича и директора ресторана (столовая находится при ресторане) тов. Апполоновой. Критика признана правильной. Бабкевич и Апполонова строго предупреждены о том, что они будут нести личную ответственность за качество приготовляемой пищи.

Вместе с тем в ответе высказано огорчение: «Автор фельетона не пожелал или не имел возможности встретиться и поговорить ни с Бабкевичем, ни с Апполоновой».

В связи с данным огорчением высказываем свое контрогорчение по поводу того, что ни Бабкевич, ни Апполонова, в присутствии которых обсуждался фельетон, не пожелали или не имели возможности упомянуть о своей длительной беседе с автором фельетона, состоявшейся в кабинете тов. Апполоновой.

— Сергей Сергеич, а Петров у меня срисовывает!

Рисунок С. СПАССКОГО

Ю. БЛАГОВ

Твистуны

Ласкала ухо «Во́ поле березка»,
И музыка пленяла и слова,
Но стая твистунов легко и хлестко
Вонзила в песню жабьи «ква-ква-ква».
Когда бы твистуны в подъездах пели,
Немного бы и горя было нам,
Однако наши радио и теле
Эфир предоставляют твистунам.
Скандальную, а все-таки известность
Приносит музыкальный кавардак...
Прорвись твистун
в изящную словесность,
Поэзия бы выглядела так:
«Люблю грозу — бух-бух! —
в начале мая,
Когда — трах-тара-рах! —
весенний гром,
Как бы резвясь и грая-грая-грая,
Ква-ква, тилим-бом-бом,
об стенку лбом»...

К. ОБОЛЕНСКИЙ

КАНАРЕЙКА НА ОХОТЕ

Никакое увлечение не может сравниться с охотничьей страстью. Охотник — человек одержимый. Весеннюю охоту он ждет всю зиму, исчеркивая крестиками календарь и нетерпеливо пересчитывая оставшиеся денечки. Со своим собратом он говорит на языке, мало понятном непосвященному.

По каким-то неуловимым признакам, словно члены масонской ложи, охотники узнают друг друга. Именно так и произошло в ГАИ Дзержинского района г. Москвы, когда мы встретились в комнате дежурного. Мы — это корреспондент «Крокодила» и три автоинспектора. В ожидании машины завязался неторопливый разговор.

— Эх, «натечь» бы сейчас в поле на след,— вздохнул В. Г. Мамонов.

— Да «насадить» свору борзых,— поддержал его Ф. И. Тимошенко.

— И чтоб собаки «приняли» волка «по месту»,— добавил П. Н. Овчинников.

—А не «оплясывали» бы его,— вставил реплику я.

— Свой! Охотник! — вскричали в один голос все трое.

Так я оказался в кругу своих собратьев-единомышленников. С каждым из них мне предстояла охота. Но охота особого порядка: на нарушителей уличного движения. Любопытно, что вели мы ее на «канарейке» — именно так именуется в обиходе желтая «Волга» Госавтоинспекции.

...Усиленный динамиками голос «охотника»-автоинспектора звучал в потоке бегущих («по чернотропу») машин:

— Соблюдение правил уличного движения должно стать вашей повседневной привычкой!

Однако подобные добрые советы усвоены еще далеко не всеми. Вот идущая впереди нас машина «Жигули», явно нарушая положенную скорость, прибавила ходу. Но от нас ей не оторваться. У машины-нарушительницы мы буквально «висим на хвосте». На нашем спидометре стрелка ползет все правее и правее: 75... 80... 90... 100 километров!

В динамиках звучит голос автоинспектора, в котором уже отсутствует увещевательная интонация:

— Машина 87-73, остановитесь у обочины!..

Водитель, поддергивая на ходу штаны, направляется к нашей «канарейке». Весь его вид как бы говорит: «Дяденька, прости, больше не буду!» Старший продавец универмага № 42 Сергей Ефимович Марьяш улыбается виновато:

— Шел в общем потоке!.. Не заметил, как повысил скорость!..

— Платите штраф!

— Какой разговор!..

Далеко не всегда — столь миролюбивый исход. Как и всякая охота, наша тоже полна неожиданностей. По проспекту Мира, почти у самой осевой черты, мчится «Волга» МКА 03-64.

— Вопиющее нарушение! — возмущается инспектор.— Правые ряды совсем свободны. Что же, начнем гон!

Наша «канарейка», как хорошая гончая, ринулась за нарушителем.

— А в чем дело? —вопрошает остановленный водитель В. И. Тихомиров.— Подумаешь, нарушение! Вы меня на испуг не берите, я стреляный волк... Чья машина? Автобазы художественного фонда.

Инспектор аккуратно «пробивает» талон.

— А вот сейчас,— улыбается он,— мы с вами на настоящем току побываем.

Возле метро «ВДНХ» снуют десятки людей. Оно и не мудрено. Здесь остановка и трамваев, и троллейбусов, и автобусов. Для пешеходов сделан подземный переход. Стоил он около полумиллиона рублей. Площадка перед метро огорожена красным парапетом. Пройдя за него, мы становимся на самом виду. Но милицейская форма моего спутника не смущает торопливых пешеходов. Один за другим они лезут через парапет. Старичок с палочкой и авоськой застревает между прутьями.

— Гражданин, куда же вы лезете?!

— Обходить, милые, неохота.

— Да вы чуть под трамвай не попали!

Пенсионер И. П. Савкин возмущается и меняет тон:

— Меня бы задавили, а не вас!

Видимо, так рассуждает не только он. Действительно, площадка напоминает весенний ток. Словно глухари и тетерева, подскакивают и прыгают нарушители-пешеходы.

— Ведь только из-за пешеходов по Москве за прошлый год случилось больше половины дорожно-транспортных происшествий,— замечает автоинспектор.

Тут меня толкает в бок головой молодой человек, пролезший под поручнем ограждения. Знакомимся. Вениамин Матвеевич Березин, преподаватель философии ВГИК, оказался человеком не без юмора и вдобавок аккуратным читателем «Крокодила».

— Очень, очень приятно! Помню, недавно вы уже выступали по этому вопросу. Даже фотографии были. Правы! Бесспорно правы: на минуте экономишь — теряешь жизнь... Со скрытой камерой, надеюсь, вы не охотитесь? Ну и слава богу!

Вот и вся философия преподавателя философии.

Из динамиков нашей машины над проспектом Мира снова раздался голос автоинспектора:

— Только дисциплинированный пешеход гарантирует себе полную безопасность на улицах города!

Увы, дисциплинированны пока далеко не все. Вот почему на улицы Москвы выходят ежедневно десятки «канареек» с работниками ГАИ.

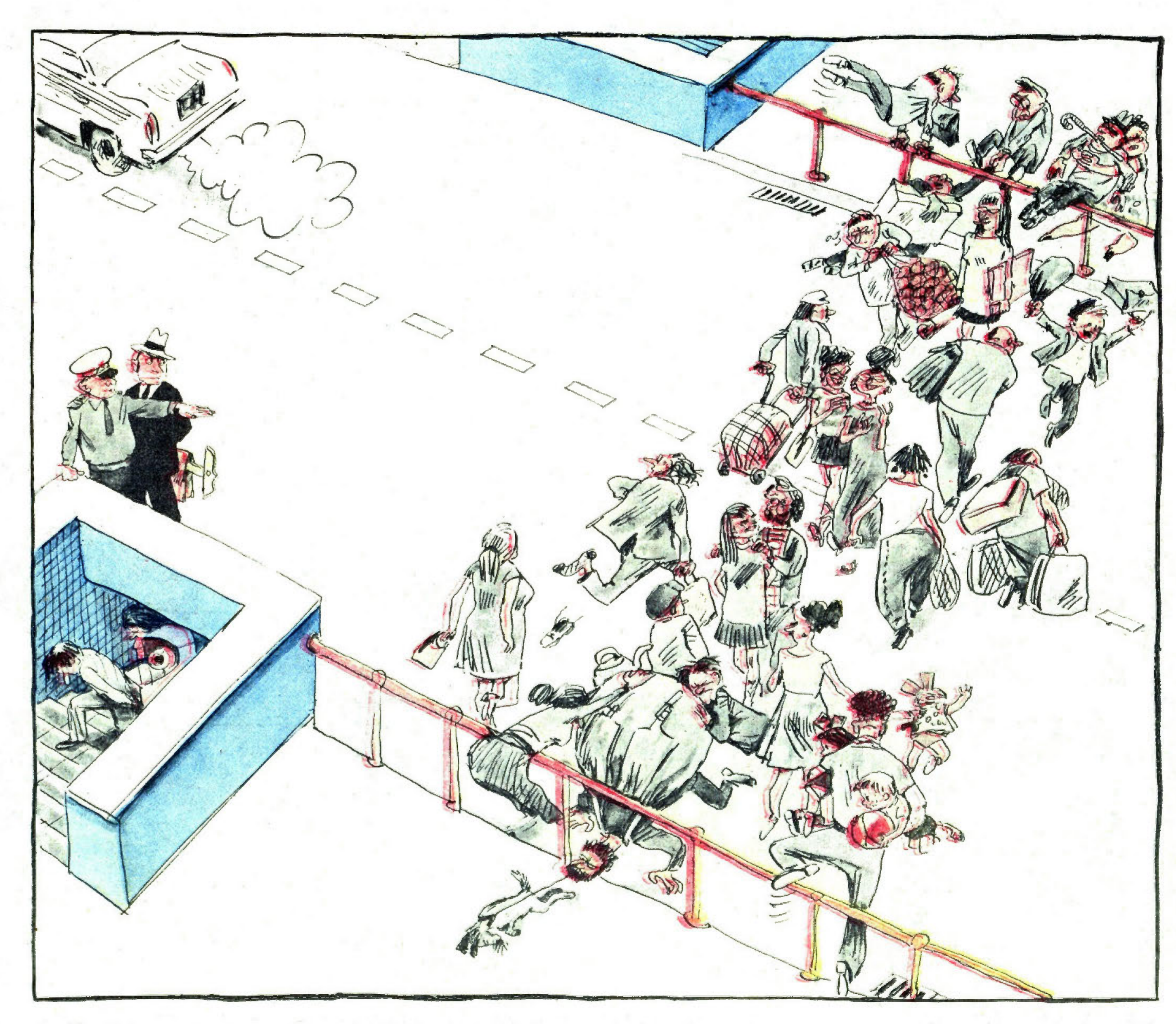
Ни пуха им, ни пера!

И. МИРСКИЙ

ОБЪЕКТЫ И ДЕФЕКТЫ

Один субъект
Сдавал объект
В осенний день
понурый.
— Вот это, граждане,
проект,
А это — дом в натуре.
Заказчик,
все прощупав здесь,
От кладки до побелки,
Находит, что дефекты
есть
И, в общем,
недоделки.
Про этот факт
Составлен акт,
Подробный и
пространный:
«В контактной вилке
Плох контакт,
И в ванной нету
Ванны».
Комиссия,
проверив дом
От цоколя и выше,
Не обнаружила при
том
Окон,
Дверей
И крыши.
Ни плинтусов,
ни потолков,
Ни кладки,
ни побелки...
Отсюда вывод:
Дом готов,
А недоделки —
мелки...

г. Одесса.

— Ну, что вам стоило разместить переход чуточку правее?

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Я насыпал Безрукову в суп перцу потому, что мне очень хотелось насолить ему».

(Из объяснения в товарищеском суде)

Прислал М. Марьян, г. Хабаровск.

«Акт 14 мая 1971 года

Мы, нижеподписавшиеся, председатель месткома Ремзов Т. П., начальник дистанции Жокин М. К., член месткома Вербицкий В. В., составили настоящий акт в том, по сроку костюма х/б износа срок вышел, а он был использован для покраски электромонтера Цветаева Л. И.».

Копию снял А. Кикот, г. Воронеж.

«Английский язык дает нам эстетическое наслаждение. Как было бы приятно почитать Сервантеса или Сименона в английском оригинале!»

Газета «Целинное знамя», Тургайская область.

«Пуля Ларису Яковлевну, табельный № 3183, аппаратчика цеха № 6, в дальнейшем значить Аленкиной Ниной Ивановной.

Основание: свидетельство о браке 11—20 № 206948».

Прислал В. Кириллов, г. Волжский.

Надпись на борту продовольственного автофургона.

Фото В. Спицина, г. Ленинград.

«В САНЭПИДСТАНЦИЮ

Орс просит произвести анализ содержимого бутылки.

Нас интересует местонахождение жидкости, которая находится в бутылке».

Копию сняла Т. Андреева, г. Ухта.

«Счет № 1

Магазином № 83 отпущена собака «Тузик» за наличный расчет музучилищу на сумму 2 р. 80 коп.».

Прислал В. Парсаев, г. Абакан.

«Жители кооператива!

В связи с тем, что у бухгалтера кооператива есть важные причины, за квартиру будете платить за два месяца вместе.

Управление кооператива».

(Объявление)

Копию снял И. Петров, г. Вильнюс.

«Продаются головы и ноги совхоза «Эльгель». Цена 30 коп.».

(Объявление в магазине)

Прислала Т. Березина, пос. Ягодное, Магаданской области.

Тов. продавец
продайте сыну две
бутылки Перцовой
настойки.
родители

Прислал С. Варламов, пос. Чернышевский, Якутской АССР.

«Граждане пассажиры!

В связи с освобождением мест на кладбище автобус в северную часть города следует по маршруту 78-го квартала».

(Объявление по радио на автовокзале)

Прислал И. Полянов, г. Мурманск.

«В результате расследования было установлено, что рукава пальто у заказчицы Копановой действительно по длине были разными на 0,5 см — это со слов закройщицы Лапиной Г. И.

Со слов же мастера Алымовой Н. Т., которая именно вшивала рукава, они одинаковы. Утверждения последней вызывают сомнения. Заказчица говорит об обратном. Что касается заявления о том, что у заказчицы разные руки, этого никто не подтверждает.

Директор Олюторского райбыткомбината И. Вавилин».

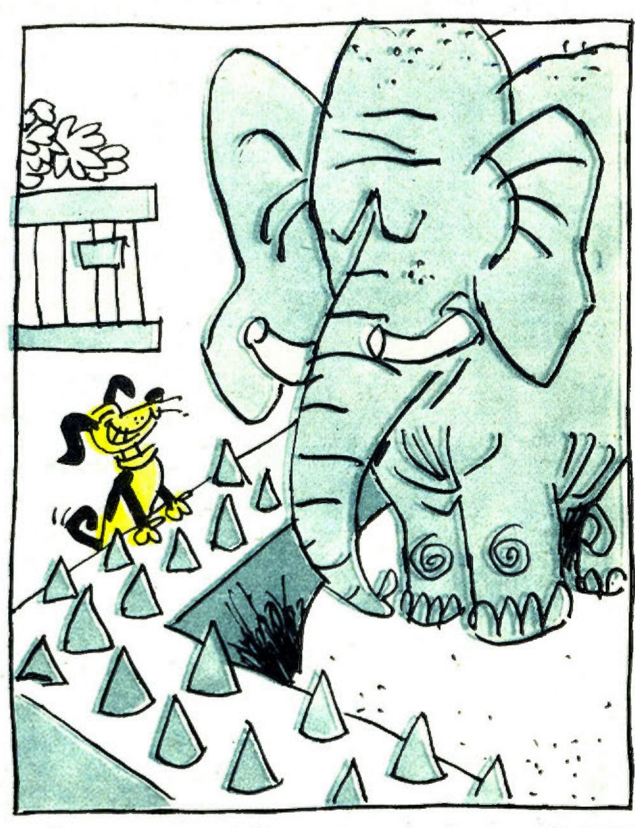
(Из ответа на жалобу)

Прислал А. Иванов, Камчатская область.

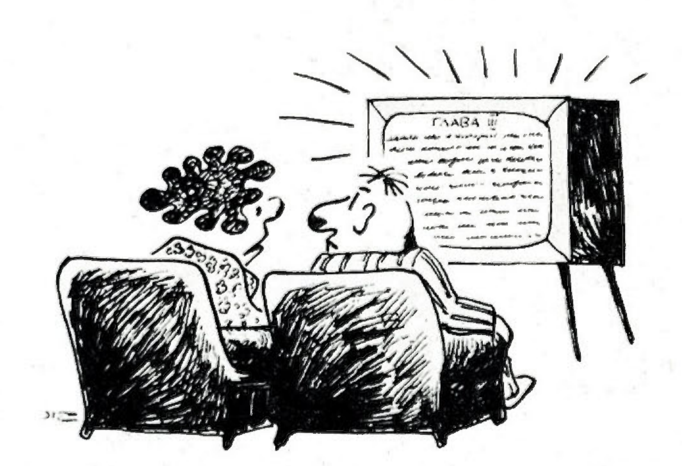
— Федя, если засидишься у приятелей, я тебе позвоню.

Рисунок **Ю. АНДРЕЕВА**

— Вот так встреча! А я смотрю, что-то тебя давно на улицах не видать!

Рисунок **Г. АНДРИАНОВА**

— А раньше, говорят, это печатали на бумаге и называли «книга»...

Рисунок **О. ТЕСЛЕРА**

Мкртич КОРЮН

примерный

Был он признан целым светом
Как примерный семьянин.
И твердили все при этом:
«Он такой у нас один!»
Я знакомством с ним гордился.
Мне он первому на днях
Сообщил: «Поздравь! Родился
Сын сегодня у меня!»
Я тепло его поздравил
И сказал: «Не премину,
Забегу, согласно правил,
Чтоб поздравить и жену».
Он смутился (странный малый!):
«Нет... Не нужно поздравлять.
Это лишнее, пожалуй...
Лучше ей о нем не знать...»

Перевел с армянского **Вл. АЛЕКСЕЕВ.**

Гонка с преследованием.

Рисунок А. ГРУНИНА

КРОКОДИЛЬСКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Херсонский энциклопедист Михаил Степанович Ангаров дал такое определение слову «затюканный»: «Журнал «Крокодил», заваленный тюками корреспонденции для Крокодильской Сатирической Энциклопедии». Вы очень недалеки от истины, Михаил Степанович. Но мы не горюем. Тюкайте нас, тюкайте, дорогие энциклопедисты на общественных началах!

Москвич М. Г. Васильев пишет: «Большое спасибо за интересное новшество. Мы (конструкторское бюро) собираемся включиться в составление энциклопедии коллективно». Надеемся, не в рабочее время?

Не успел сойти с наших ланит горячий румянец, вызванный дифирамбами Васильева, как подоспел другой московский энциклопедист, Молоканов, и обдал нас ледяным душем. Он гневается по поводу того, что его вклад в «КСЭ» на буквы Г, Д, Е не был опубликован: «Если нас так много, что жюри не успевает вникать, надо бы объявить об этом. Со всей честностью — Молоканов».

Объявляем: вас много, но мы вникаем. В каждое письмо и каждую строчку.

Со всей честностью — КРОКОДИЛ.

ЖАДНОСТЬ — свойство натуры, побуждающее зачеркивать в билетах «Спорт-лото» по семь номеров.

ЖАЛОБНАЯ КНИГА — вид торговой литературы, спрос на которую всегда превышает предложение.

ЖЕВАТЬ — разминаться перед разговором с работниками столовой.

ЖЕЛУДОК — абсолютный монарх, заставляющий работать на себя в поте лица и никогда не помнящий добра.

ЖЕЛУДЬ — дубина в начале карьеры.

ЖЕНИХ — муж-полуфабрикат.

ЖЕНОНЕНАВИСТНИК — директор универмага «Все для женщин».

ЖЕРТВА — взятка, которую дают богам.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ — увольнение стрелочника с работы.

ЖЕСТ — непобедимый соперник эсперанто.

ЖИЗНЕЛЮБ — индивид, который любит сам пожить и окружающим дать жизни.

ЖИЗНЬ — школа без каникул, которую нельзя окончить экстерном.

ЖИЛПЛОЩАДЬ — квадратура домашнего круга.

ЖИРАФА — существо, которое смотрит на всех свысока, но не зазнается; мисс Шея.

ЖМОТ — человек, собирающий палочки от мороженого к зимнему отопительному сезону.

ЖЮРИ — группа лиц, объединенных различными взглядами на оцениваемое явление; единственные участники КВН, говорящие экспромтом.

ЖОХ — толкач, который прошел огонь и воду, доставая медные трубы.

ЖУК — человек повышенной проходимости.

ЗАБАВА — заседание, посвященное утверждению кого-либо в должности после того, как данная кандидатура уже была утверждена более высокой инстанцией.

ЗАБВЕНИЕ — уход на некоторое время от действительности. Забвение алкогольное — уход на 15 суток.

ЗАБЕГАЛОВКА — заведение, куда забегают на двоих, соображают на троих и выползают на четырех.

ЗАБОР — классная доска (если школа — улица).

ЗАВЕЩАНИЕ — то, что пишется в здравом уме и твердой памяти (не путать с мемуарами); денежный перевод с того света.

ЗАВТРА — постоянный приемный день бюрократа.

ЗАГРАНИЧНЫЙ — пришедший к нам из-за границы, например: заграничный танец «Казачок»; товар, цена на который у спекулянтов переходит всяческие границы.

ЗАГС — пункт, где подписывают самые недолговечные договоры о ненападении.

ЗАГУЛ — отгул плюс прогул; неделя борьбы за уничтожение алкогольных напитков.

ЗА ЗДРАВИЕ — повод мертвецки напиться.

ЗАКЛЕВАТЬ — воспитать белую ворону в коллективе черных ворон.

ЗАНАВЕС — кусок ткани, за которым король Лир становится рядовым членом профсоюза.

ЗАЯЦ — 1) Пассажир на общественных началах. 2) Героическое животное, отстоявшее свое «Я» у сторонников реформы русского языка.

ЗЕБРА — осел в тигровой шкуре.

ЗЕРКАЛО — примитивный прибор, с помощью которого женщина опаздывает на свидание.

ЗИГЗАГ — чеканный шаг алкоголика; прямая под градусом; кратчайшее расстояние между двумя пивными.

ЗМЕЕВИК — нора зеленого змия.

ЗНАКОМАЯ — 1) Незнакомка, с которой познакомились.
2) Жена, с которой работаешь в разных сменах.

ЗНАХАРЬ — незаконнорожденный сын Гиппократа.

ЗОЛОТО — металл, частенько оседающий у людей, на которых негде ставить пробу; металл, легко вступающий в соединения с людьми, приводя к их окислению и разложению.

ЗООСАД — убежище зверей от озверевших любителей природы; место, где звери наблюдают разные породы людей.

ЗРИТЕЛЬ — тот, кто всегда прав (см. также «покупатель»); жертва собственного любопытства.

ЗЯТЬ — человек, который до женитьбы и не подозревал, как много у него недостатков.

ИГРУШКИ — приспособления, придуманные взрослыми, чтобы дети не мешали взрослым играть в свои игры.

ИЖДИВЕНЕЦ — дедушка, вызванный из деревни для получения квартиры.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ — управдом, откладывающий ремонт кухонного крана под предлогом урагана над озером Титикака, что на границе Боливии и Перу.

ИЗРЕЧЕНИЕ — обычные слова необычных людей.

ИКОНА — доска почета для святых.

ИМЯ — фамилия человека, достигшего известности.

ИНТЕЛЛИГЕНТ — человек, способный объяснить, почему в этом слове пишется два «л»; субъект, которого настолько шокирует авоська, что он носит картошку в портфеле.

ИНСТИТУТ — подготовительные курсы для КВН.

ИНТЕРВЕНТЫ — вооруженные незваные гости, у которых запоминающее устройство находится пониже спины; любители полежать в заграничной могиле.

ИСКРА БОЖИЯ — обязательное условие успешной работы атеиста.

ИСПОВЕДЬ — рассказ о том, чего не следует делать, после свершения того, о чем не следует говорить.

ИСТОРИЯ — состарившаяся современность; место, куда легче влипнуть, чем войти; предмет, под который все время подкапываются археологи; список ошибок, на которых не хотят учиться.

ДЕЖУРНЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ:

М. и Н. Баньковские, г. Ленинград; Г. Белоусов, г. Чебоксары; Ю. Беспалов, г. Москва; В. Бутурлин, г. Баку; М. Вайсборд, г. Москва; А. Васернис, г. Харьков; Б. Виноградов, г. Фергана; В. Волин, г. Москва; В. Гаврилюк, г. Новосибирск; А. Герштенблит, г. Тбилиси; И. Гусаченко, г. Киев; Ю. Дубровский, г. Волгоград; В. Захаров, г. Днепропетровск; С. Зуев, г. Москва; В. Илларионов, г. В.-Волочек; А. Касимцев, г. Москва; В. Кныш, г. Москва; Ф. Коничев, г. Ленинград; А. Кульгевич, г. Одесса; М. Лурье, г. Горький; В. Марьяновский, г. Москва; Л. Михайлов, г. Челябинск; Э. Мхитарян, г. Тбилиси; К. Насыров, г. Москва; Л. Нефедьев, г. Киев; В. Подмайстрович, г. Черновцы; Н. Полотай, г. Ялта; А. Райская, г. Москва; П. Романцов, г. Краснодар; М. Слуцкий, г. Киев; В. Соболев, г. Москва; И. Тарабукин, г. Свердловск; В. Харламов, г. Богородск; В. Шевченко, г. Кемерово; С. Шипулин, г. Грозный; М. Шишляинников, г. Воронеж; Ю. Штейнберг, г. Черновцы; С. Ямада, г. Серпухов.

Адам ОХОЦКИЙ (Польша)

Зарифмованная поговорка

Чем дальше в лес,
тем больше дров...
Ну, кто не знает
Мудрость этих слов!
Но в наше время массовых
гулянок —
Чем дальше в лес,
Тем больше ржавых банок!

К. КОСТОВ (Болгария)

До и после

Когда мы любим, нам хватает
взгляда
И, чтобы объясниться, слов
не надо.
Но, сделавшись супругами, мы
снова
Используем вовсю свободу
слова!

Перевел Н. КНЯЗЕВ.

●

— Папа, я хочу тебе сделать подарок ко дню рождения.
— Лучше не делай мне подарков, а внимательно слушай, что говорит учительница на уроке.
— Поздно, я уже купил тебе галстук.

Станислав СТРАТИЕВ (Болгария)

Сказки атомного века

Мой пятилетний сынишка рассеянно решает какую-то задачу из области теории вероятностей. Рядом бабушка вслух читает сказку из «Золотой библиотеки для дошкольников».

— «...И видит девочка: течет в реке вода красная-красная... А когда протекла вода красная, потекла вода сняя-синяя... А потом пошла вода черная... А за ней — вода желтая...»

— Вода — это бесцветное жидкое вещество без вкуса и запаха,— баском говорит сын.— Это и в детсадике знают. Замерзает при нуле, кипит при ста градусах. H_2O, в общем. Зря, бабуся, время губишь...

— Не дерзи бабушке! — не выдерживаю я.— Она читает для твоей же пользы.

— Знаю, знаю,— вздыхает малыш.— Ну, пусть читает.

Бабушка начинает новую сказку.

— «И говорит старик рыбке: «Построй ты, золотая рыбка, огромные хоромы, и чтобы было в них сто слуг, и чтоб они меня слушались и мне служили...»

— Байки из «Тысячи и одной ночи»! — иронизирует сын.— Можно подумать, будто тогда уже было крупнопанельное строительство! И вообще, что это за требования: «Дай мне то, построй мне это»! А где принцип — каждому по труду?

— Но ведь старик оказал золотой рыбке услугу,— робко возражает бабушка.

— Пап, пойдем лучше погуляем! — пытается увильнуть от сказок сын.

— Нет,— говорю.— Ты плохо обращаешься с бабушкой.

— А зачем она мне разную чепухенцию рассказывает: «черная вода», «золотая рыбка»...

— Для того, чтобы ты лучше знал жизнь,— мудро поучаю я.

— Ну, пап, где ж-это видано в жизни? — сопротивляется мальчуган.

— Есть все это! — строго говорю я.

— Конечно, если ты в лотерею выиграешь, так и хоромы построишь...

— Ах, ты так! — вскипаю я.— Ты и отцу не веришь? Собирайся, пошли!..

Я беру сына за руку и веду его к реке. Мы стоим на берегу, а мимо нас течет вода. Сперва черная. Потом синяя. Потом желтая... Словом, обыкновенная индустриальная вода...

— Ну? — спрашиваю сынишку.— Жидкое бесцветное вещество? Без вкуса и запаха?..

Сын молчит, но самоуверенность его начинает таять.

— А золотая рыбка? — спрашивает.— Та, что строит хоромы?..

Я волоку упрямого малыша к моему знакомому.

Нажимаю кнопку звонка. Массивные двери открываются. Мы входим.

— Извини, Станислав, закончу важный разговор,— указывает мне на диван хозяин, а сам вновь берет телефонную трубку:— Алло! Так вот о квартире... Ваше министерство должно дать мне трехкомнатную с гаражом... Разумеется... У меня и сейчас трехкомнатная, но без гаража... Понял? Прекрасно! Да, у меня еще одна просьба: я пришлю к тебе свою дочку, подыщи ей работенку... Что? Ну, заведовать чем-нибудь, руководить... Да, чуть не забыл: что там с машиной? Второй месяц тянут... Поторопи! Лучше новую «Волгу», разумеется...

Сынишка легонько дергает меня за рукав и кивает на дверь. Мы на цыпочках выходим на лестницу.

— Это он с золотой рыбкой по телефону говорил, пап? — спрашивает уже на улице мальчуган.

— Да,— отвечаю.— С сомом...

— Вот видишь,— вздыхает сынишка.— Сколько раз я тебя просил: пойдем на рыбалку, а у тебя то удочки нет, то времени нет...

Он решительно хватает меня за руку, и мы бежим в магазин «Охотник и рыболов». Покупать невод...

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Полицейский подходит к лежащей на мостовой даме.
— Вам плохо?
— Нет, все в порядке. Я просто заняла место для стоянки машины моего мужа.

●

Женщина говорит ученому, известному своей рассеянностью:
— Может быть, вы уже забыли, но, когда я была студенткой, вы предложили мне выйти за вас замуж.
— Да? И что, мы поженились?

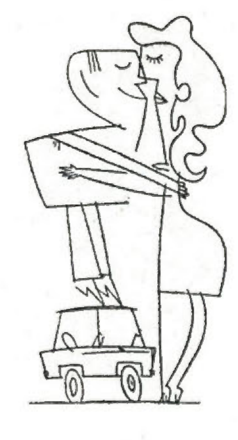
●

— Зачем вы перевязали палец шнурком?
— Это мне перевязала жена, чтобы я не забыл опустить письмо.
— Ну и как, уже опустили?
— Нет, она забыла мне его дать.

— Архимед, на минутку! Что это за пачкотня?

«Рир», Франция.

«Урзика», Румыния.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— Капитан, но я ведь только вынул пробку из ванны!

«Пуркуа па?», Бельгия.

А. АЛЛЕ (Франция)

ТАК ОНИ ГОВОРИЛИ

ТУТ ЧТО-ТО ЕСТЬ, как говорил наш мэр, когда ему рассказывали что-то такое, чего он толком не понимал.

МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ОНИ ОБА ПРАВЫ, как говорил искусствовед о двух других искусствоведах, один из которых утверждал, что это черное, а другой — белое.

НЕ В ДЕНЬГАХ СЧАСТЬЕ, как говорил карманный вор, освобождая пассажира от кошелька.

ОТНЫНЕ ЖИВОПИСИ Я ПРЕДПОЧИТАЮ СКУЛЬПТУРУ, как говорил один бедняга, обнаружив, что уселся в светлых брюках на свежеокрашенную скамейку.

ЧТО ОН МОГ СДЕЛАТЬ ОДИН ПРОТИВ ТРОИХ! — как говорила вдова человека, умершего после консилиума трех лучших врачей Парижа.

НИКОГДА НЕ СЛЕДУЕТ ОТКЛАДЫВАТЬ НА ЗАВТРА ТО, ЧТО МОЖНО СДЕЛАТЬ СЕГОДНЯ, как говорил один мосье, бежавший по улице в поисках туалета.

КРОКОДИЛ

№ 18 (1992)

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, А. Алешичев, Ю. Андреев, М. Битный, М. Вайсборд, Е. Горохов, А. Грунин, Ю. Ерофеев, О. Теслер, В. Тильман, Ю. Узбяков, М. Ушац, Е. Шабельник, Н. Щербаков.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

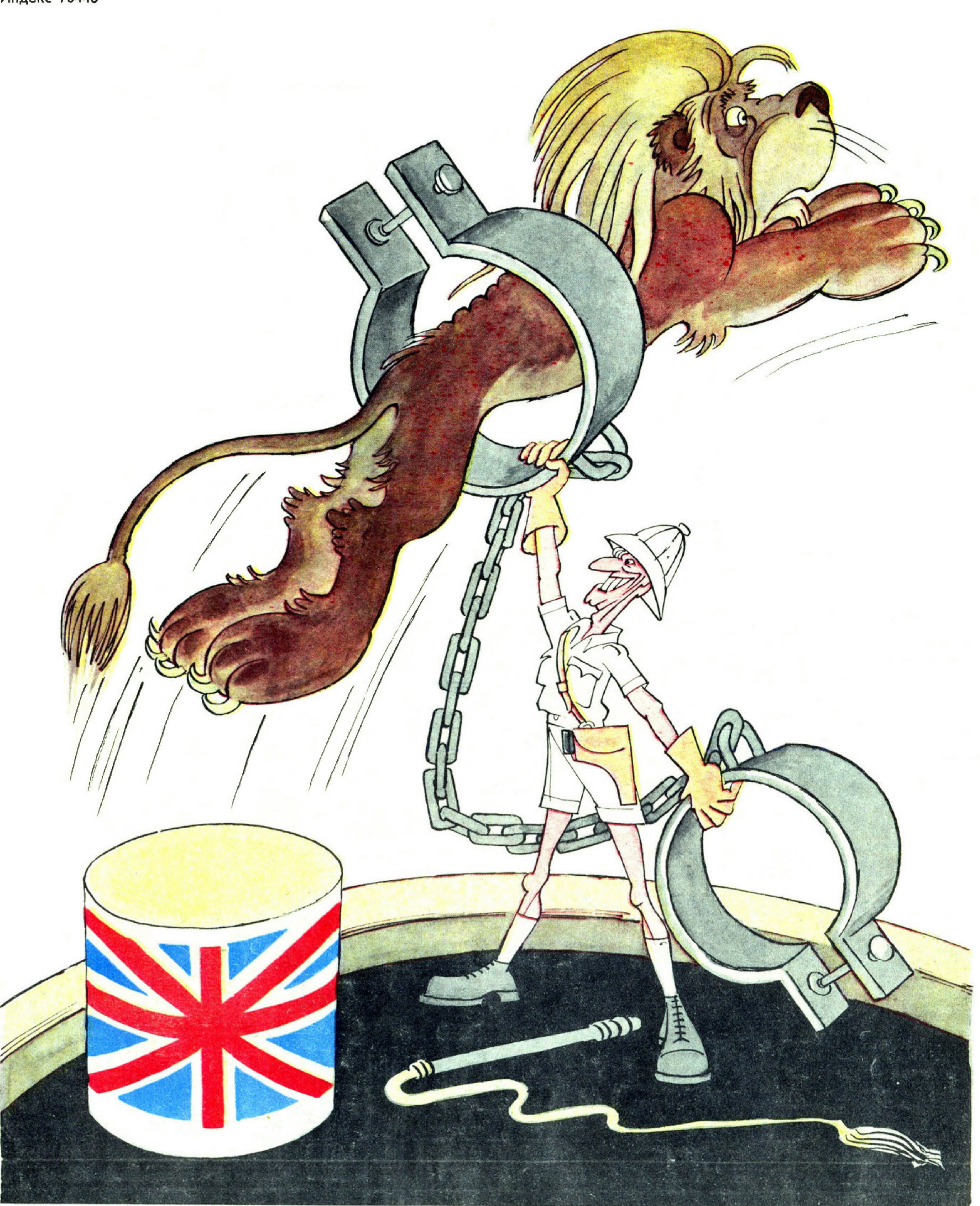
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 10/VI 1971 г. А 00925. Подписано к печати 18/VI 1971 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1 завод: 1 — 3 607 650). Изд. № 1118. Заказ № 1448.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

ЮЖНОРОДЕЗИЙСКИЙ АТТРАКЦИОН

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО